

АТАБЕКОВ Атабек Рустамович

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ И ПРАКТИКА ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
В ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЕ:
СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ**

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

доктора юридических наук

Диссертация выполнена на базе кафедры административного и финансового права юридического института Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы».

Научный консультант:

Ястребов Олег Александрович

доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой административного и финансового права юридического института ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы», ректор РУДН

Официальные оппоненты:

Морхат Петр Мечиславович

доктор юридических наук, судья Арбитражного суда Московского округа

Полякова Татьяна Анатольевна

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный государственный советник юстиции Российской Федерации 3 класса, почетный работник юстиции, заведующий Сектором информационного права и международной информационной безопасности Института государства и права Российской академии наук

Чеботарева Анна Александровна

доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой «Правовое обеспечение государственного управления и экономики» Юридического института федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет транспорта»

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия» (ФГБОУ ВО «СГЮА»)

Защита диссертации состоится «25» сентября 2024 года в 14-00 на заседании диссертационного совета ПДС 0900.008 Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале УНИБЦ (Научная библиотека) РУДН (117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6) и на сайте РУДН: <https://www.rudn.ru/science/dissosvet>.

Автореферат разослан «__» июля 2024 г.

Ученый секретарь диссертационного
совета ПДС 0900.008
кандидат юридических наук

Е.В. Муратова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования

Современное общество идет по пути техногенного развития и формирования соответствующих инструментов в области цифровой трансформации. Экспоненциальное развитие новых технологий определяет актуальность вопроса применения технологии искусственного интеллекта (ИИ) и, как следствие, дискуссии об определении его статуса в правоотношениях.

Большинство стран мира, в том числе Россия, обозначают своей приоритетной целью разработку и совершенствование указанной технологии как в стратегических документах, так и на уровне уже внедряемых законодательных инициатив, например, 2021 года (в случае с Европейским союзом)¹. В рамках указанного документа отдельно выделяется обязанность стран-членов ЕС определить профильные органы власти, ответственные за развитие и применение ИИ, выстраивать механизмы подотчетности действий ИИ, формировать риск-ориентированный подход к указанной технологии (в особенности отмечается высоко рисковый характер технологии при ее применении в сфере публичного управления). Отдельный частный пример, обосновывающий необходимость регламентации отношений, связанных с ИИ, – применение автономных военных средств, которое вызывает дискуссию в международном сообществе². В рамках данной дискуссии устанавливается большой спектр нормативно-правовых вопросов, связанных с указанной технологией, а именно определение правовых границ между ИИ, применяемым в гражданской и военной сфере (в т. ч. для технологий двойного назначения), вопросы ответственности за действия ИИ (на этапе разработки, его применения и потенциального отключения).

Верховный главнокомандующий Вооружёнными силами Российской Федерации также отмечал военный потенциал применения ИИ и необходимость совершенствования систем управления и связи путем внедрения и регламентации ИИ на всех уровнях принятия решения³.

Актуальность и необходимость правового регулирования применения ИИ в обществе очевидны, ввиду чего Президент России В. В. Путин издал соответствующий указ, определяющий основной стратегический вектор развития данной технологии; в указанном документе особое внимание уделено вопросам по обеспечению необходимого правового режима для функционирования ИИ⁴.

В 2024 году В. В. Путин, в рамках Послания Президента Федеральному собранию, озвучил значимую роль применения ИИ во взаимодействии граждан, бизнеса и государства⁵. Данный стратегический акцент применения ИИ в публичном управлении нашел дополнительное отражение в пункте 8 Указа Президента РФ от 07.05.2024 № 309, где достижение национальной цели "Цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы" определяется достижением к 2030 году "цифровой зрелости" государственного и муниципального управления, ключевых отраслей экономики и социальной сферы на основе данных с учетом ускоренного внедрения технологий обработки больших объемов данных, машинного обучения и ИИ⁶.

¹ Proposal for a Regulation laying down harmonised rules on artificial intelligence (AI Act). URL: <https://ec.europa.eu/newsroom/dae/redirect/document/75788/> (дата обращения: 22.12.2022).

² The Role of the United Nations in Addressing Emerging Technologies in the Area of Lethal Autonomous Weapons Systems URL: <https://www.un.org/en/un-chronicle/role-united-nations-addressing-emerging-technologies-area-lethal-autonomous-weapons> (дата обращения: 22.12.2022).

³ Владимир Путин выступил на расширенном заседании коллегии Министерства обороны, состоявшемся в Национальном центре управления обороной на Фрунзенской набережной. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70159> (дата обращения: 22.12.2022).

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации».

⁵ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 29.02.2024 "Послание Президента Федеральному Собранию" URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73585> (дата обращения: 15.05.2024).

⁶ Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 "О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года".

Изложенные выше обстоятельства определяют актуальность разработанной концепции настоящей диссертации с учетом того, что вопрос выработки принципиальных правовых подходов к регулированию ИИ как в экспериментальном, так и в долгосрочном режиме уже сейчас порождает массу вопросов как философско-этического характера, так и самого нормативно-правового регулирования порядка применения ИИ.

При этом в большинстве случаев ученых интересует онтологическая правовая природа ИИ и ее восприятие человеком, однако вопрос определения подходов и моделирование порядка применения ИИ в публичных правоотношениях рассматривается относительно узко и осторожно, ввиду потенциальных рисков указанной технологии для общества. Хотя на уровне прикладного аспекта нельзя не отметить, что ряд стран, включая Саудовскую Аравию, Японию, Австралию, уже создали достаточно значимые прецеденты, уравнивающие в правах технологию ИИ с человеком.

В рамках проведенного исследования установлено, что существуют и различные дефиниции самого определения ИИ (на уровне теоретических и нормативно-правовых подходов), и различные варианты регламентации порядка применения ИИ. Отдельная проработка вопросов применения ИИ в сфере публичного управления, а также формирование комплексного подхода к регулированию указанной технологии позволит более детально выстроить позицию в отношении теоретического обоснования и прикладного инструментария для регулирования ИИ.

Определенная фрагментарность разработки концептуальных, методологических и прикладных аспектов в отмеченной выше области применительно к ИИ как динамичному объекту административно-правового воздействия, несомненно, вызывает необходимость совершенствования правового регулирования в России. При этом стоит отметить, что применение подходов, сформулированных научным и профессиональным сообществом, позволит минимизировать правовые риски для общества.

Отдельные исследования в определении статуса ИИ и его правосубъектности для нужд административного права проводятся зарубежными специалистами, однако комплексное определение слабых и сильных сторон различных конструкций применительно к правосубъектности на текущий момент не представлено.

Дополнительно обратим внимание на то, что вопрос конечной цели «зачем нужно регулировать ИИ, как и когда» также стоит на повестке дня, что определяет различные конструкции в достижении вышеуказанной цели, имеющие свои преимущества и недостатки.

Степень научной разработанности темы исследования

В контексте теоретических подходов в онтологическом определении искусственного интеллекта были исследованы труды целого ряда отечественных ученых, включая Власова Г. Д., Крысанова Н. В., Понкина И. В., Редькиной А. И., Морхата П. М., Щитовой А. А., Ястребова О. А. Среди академических источников представителей зарубежных государств были проанализированы труды Альбуса Дж. С. (Albus J. S.), Армина К. (Armin K.), Байрна С. (Bayern S.), Бантека Н. (Banteka N.), Бострома Н. (Bostrom N.), Брауна Р. Д. (Brown R. D.), Бронштейна Б. Й. (Brownstein B. J.), Вайра Б. (Vayr B.), Владеца Д. К. (Vladeck D. C.), Гункела Д. Й. (Gunkel D. J.), Кнайта К. (Knight K.), Легга С. (Legg S.), МакДермотта Д. (McDermott D.), Маккарти (McCarthy), Мамака К. (Mamak K.), Мелтзера Дж. П. (Meltzer J. P.), Норвига П. (Norvig P.), Омохундро СМ. (Omohundro SM.), О’Доннелла Е. Л. (O’Donnell E. L.), Раймакерса С. (Raaijmakers S.), Рич Е. (Rich E.), Русселла С. Дж. (Russell S. J.), Стахла Б. Ц. (Stahl B. C.), Солума Л. Б. (Solum L.B.), Хуттера М. (Hutter M.), Чандрасекарана Б. (Chandrasekaran B.), Чарниака Е. (Charniak E.), Шанахана М. (Shanahan M.), Шерера М. Ю. (Scherer M. U.) и др.

При рассмотрении фундаментальных философских и этических вопросов были проанализированы исследования отечественных ученых Бундина М. В., Воробьева И. Б., Мартынова А. В., Савина В. С., Скурко Е. В., Харитоновой Ю. С. Среди работ представителей зарубежных стран исследованы труды Ананни М. (Ananny M.), Барокаса С. (Barocas S.), Бирхане А. (Birhane A.), Брайсона Дж. Дж. (Bryson J. J.), Буррелла Й. (Burrell J.), Валлора С.

(Vallor S.), Варехама ЦС. (Wareham CS.), Вачтера С. (Wachter S.), Велиза Ц. (Véliz C.), Винера Н. (Wiener N.), Габриела И. (Gabriel I.), Гордона Й.-С., (Gordon J.-S), Гункела Д. Й. (Gunkel D. J.), Данахера Дж. (Danaher J.), Джиа Х. (Jia H.), Джонгепьера Ф. (Jongepier F.), Доши-Велез Ф. (Doshi-Velez F.), Жанг З. (Zhang Z.), Жанга Ю. (Zhang J.), Кима Б. (Kim B.), Кленка М. (Klenk M.), Ковгилла Б. (Cowgill B.), Коле Д. (Cole D.), Крауфорда К., (Crawford K.), Левиса Д. (Lewis D.), Лиси М. (Leese M.), Мао Ю. (Мао, Y.), Мертон Р. (Merton R.), Миттелстадта Б. (Mittelstadt B.), Мюллера В. (Müller V.), Нихолма С. (Nyholm S.), Омохундро С. М. (Omohundro S. M.), Пошера Р. (Poscher R.), Русселла К. (Russell C.), Силбста А. (Selbst A.), Спаррова Р. (Sparrow R.), Тана Т. (Tan T.), Тишбирека А. (Tischbirek A.), Тукера Ц. (Tucker C.), Тутта А. (Tutt A.), Фенстера М. (Fenster M.), Флориди Л. (Floridi L.), Хаускеллера М. (Hauskeller M.), Цоецкелбергха М. (Coesckelbergh M.), Эубанкса В. (Eubanks V.), Ши-Купфера К. (Shi-Kupfer K.) и др.

В аспекте изучения вопросов регулирования ИИ в публичной сфере, выделения его особой правосубъектности в смежных областях были изучены публикации целого ряда отечественных ученых, включая Габова А. В., Аксенова М. А., Архипова В. В., Баранова П. П., Гаджиева Г. А., Данилова И. Б., Дрожжинова В. И., Хаванова И. А., Иванова А. П., Минбалева А. В., Наумова В. Б., Незнамов А. В., Нечкина А. В., Райкова А. Н., Рахматулиной Р. Ш., Савиной В. С., Свиридовой Е. А., Соколова И. А., Ужова Ф. В., Филиповой И. А., Ястребова О. А. и др.

Среди направлений научных школ зарубежных стран рассмотрены труды Адамса Р. (Adams R.), Аларие Б. (Alarie B.), Албагли Д. (Albagli D.), Ал-Баракати А. А. Х. (Al-Barakati A. A. H), Ал-Шариеха С. (Al-Sharieh S.), Астгхика Г. (Astghik G.), Балкина Дж. Б. (Balkin J. B), Бансамуна А. (Bensamoun A.), Бермана Н. С. (Berman N. S.), Бинета Дж.-Р. (Binet J.-R.), Бонифаце Ц. Р. (Boniface C. R.), Брайсона Дж. Дж. (Bryson J. J.), Бранда Д. (Brand D.), Вайта Л. (White L.), Вей В. (Wei W.), Виллани Ц. (Villani C.), Вихма П. (Vihma P.), Гавигхана Ц. (Gavighan C.), Гала К. (Gal K.), Гаффле М. (Gaffley M.), Гвагва А. (Gwagwa, A.), Годо И. (Godo I.), Гранта Т. Д. (Grant T. D.), Диамантиса М. Е. (Diamantis M. E.), Докеи Т. (Dokei T.), Донахуэ Л. (Donahue L.), Дуфоура Р. (Dufour R.), Зеитоуна Ш. (Zeitoun C.), Йоунеса Ю. С. Б. (Younes J. S. B.), Клейнберга Й. (Kleinberg J.), Коehoфа Й. (Koehof J.), Краемер-Мбула Е. (Kraemer-Mbula E.), Ксие Н. (Xie N.), Куеллара М.-Ф. (Cuéllar M.-F.), Лехра Д. (Lehr D.), Лиу Ф. (Liu F.), Лодге М. (Lodge M.), Маджида Р. (Majid R.), Маиа А. Ф. (Maia A. F.), Мендоза-Каминате А. (Mendoza-Caminade A.), Менниченка А. (Mennicken A.), Мимрана Т. (Mimran T.), Мулгана Т. (Mulgan T.), Ниблетт А., (Niblett A.), Охма П. (Ohm P.), Понцибо Ц. (Poncibò C.), Порто Ф. (Di Porto F.), Расо Ф. А. (Raso F.A.), Реисмана С. (Reisman S.), Ризка Н. (Rizk N.), Ричардса Н. М. (Richards N. M.), Робертса Х. (Roberts H.), Рутенберга И. (Rutenberg I.), Санстеина Ц. Р. (Sunstein C. R.), Сзоллоси М. (Szollosy M.), Сигала А. (Segal A.), Смарт В. Д. (Smart W. D.), Стерна С. (Stern S.), Троцзынски Б. (Troczynski B.), Феителсон Д. Г. (Feitelson D. G.), Хикмана Т. (Hickman T.), Цаннарса М. (Cannarsa M.), Ченг В. В. (Cheng V. W.), Чопра С. (Chopra S.), Шани Ю. (Shany Y.), Шеленз Л. (Schelenz L.), Шерера М. Ю. (Scherer M. U.), Яна С. (Yan S.).

В процессе изучения автором вопросов, связанных с применением искусственного интеллекта в рамках судебного процесса, рассмотрены исследования Бирюкова П. Н., Говарта Д. (Howarth D.), Ду Г. (Du G.), Ермаковой Е. П., Лаптева В. А., Момотова В. В., Фроловой Е. Е., Хе Кс. (He X.), Ху Лу А. (Xu Lu A.), Цуи Я. (Cui Y.).

В контексте фундаментальных трудов в области административного права и процесса использовались положения работ Бейкера Т. (Baker T.), Вермуэля А. (Vermeule A.), Гречиной Л. А., Зеленцова А.Б., Клёхна Л. (Klöhn L.), Куглера Т. (Kugler T.), Симона Х. А. (Simon H. A.), Спаманна Х. (Spamann H.), Стахова А. И., Уманской В. П., Харэль А. (Harel A.), Ястребова О.А.

Далее представляется необходимым обозначить положения тех диссертации, которые сформировали теоретическую основу настоящего исследования. Ее составили труды отечественных ученых, занимающихся вопросами правового регулирования технологии ИИ, порядка его применения в различных сферах общественных отношений.

В своем диссертационном исследовании, посвященном определению правовой границы между субъектами и квазисубъектами права, Е. В. Пономарева отдельно исследует вопрос потенциальной квазиправосубъектности ИИ и отрицает возможную правосубъектность указанной технологии¹ (рассмотрено в рамках специальности «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»). Данное положение в нашем исследовании используется в качестве одного из ракурсов при анализе потенциальных подходов по выделению правосубъектности ИИ.

А. А. Карцхия в рамках докторской диссертации определяет, что объектами цифровых прав, которыми являются нематериальные объекты, создаваемые в результате использования цифровых технологий (в т. ч. компьютерных программ) в виде результатов математических вычислений; эти объекты подлежат регулированию в силу закона, либо в силу соглашения (договора) субъектов цифровых прав. Такими объектами выступают токены, криптовалюта, ИИ, цифровые двойники, облачные вычисления и т. д.² (рассмотрено в рамках специальности «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право»). Результаты исследования указанного автора определяют необходимость разграничить основные области применения цифровых технологий и производимый ими результат, в том числе в контексте регулирования ИИ. Это направление мы разрабатываем и реализуем в нашем исследовании.

В части рассмотрения проблем, связанных с правовой охраной результатов, создаваемых ИИ, необходимо также отметить работу Е. П. Сесицкого. Данный автор отмечает различность природы результатов интеллектуальной деятельности, создаваемых ИИ и человеком (при внешней схожести), что требует дифференцированного подхода при установлении срока действия исключительного права в отношении результатов, созданных системами искусственного интеллекта³ (рассмотрено в рамках специальности «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право»). Положение о релевантности такого дифференцированного подхода мы используем в нашем исследовании в виду необходимости выделения отдельного дифференцированного регулирования ИИ по сравнению с действующими нормами права.

М. А. Иващенко обосновывает необходимость дополнения УК РФ нормой, в рамках которой создание, распространение и использование искусственного интеллекта в целях совершения преступлений, либо сокрытия события преступлений должно наказываться ограничением свободы на срок до четырех лет, либо принудительными работами на срок до четырех лет, либо лишением свободы на тот же срок со штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев⁴ (рассмотрено в рамках специальности «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»). Обозначенное предложение данного автора в случаях использования ИИ в противоправной деятельности определяет необходимость дальнейшего исследования подходов по предупреждению и препятствованию незаконной деятельности ИИ, в том числе на базе международного опыта регламентации и применения ИИ в правоохранительной деятельности (как со стороны правоохранительных органов, так и со стороны потенциальных преступников). Это направление мы разрабатываем в нашем исследовании применительно к публично-правовой сфере.

В рамках проведения анализа международно-правового регулирования ИИ необходимо отметить исследование А. Ю. Марченко, которая отмечает, что развитие международного права в области правового регулирования ИИ окажется под значительным влиянием

¹ Пономарева Е. В. Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2019.

² Карцхия А. А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2019.

³ Сесицкий Е. П. Проблемы правовой охраны результатов, создаваемых системами искусственного интеллекта: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2018.

⁴ Иващенко М. А. Новые формы организованной преступности: дис. ... канд. юрид. наук М., 2022.

европейского подхода, и предлагает авторские рекомендации по совершенствованию регулирования искусственного интеллекта в России¹ (рассмотрено в рамках специальности «Международное право; Европейское право»). Положения данной работы использовались в нашем исследовании в целях определения контура основных международных актов в области регулирования ИИ и представленных теоретических подходов по регламентации порядка применения ИИ в ЕС.

Особый интерес представляет диссертационное исследование П. М. Морхата, в котором рассматриваются вопросы правосубъектности юнитов искусственного интеллекта и автором определяется перспективным конструирование юридических формулировок в правовом обеспечении правосубъектности «электронное лицо». Для целей применения ИИ в судебном процессе автором отмечается необходимость определения релевантных направлений и формы задействования юнита искусственного интеллекта (как «компаньона судьи) в судопроизводстве, в гражданском, арбитражном, административном, уголовном процессе, а также в арбитражном третейском процессе² (рассмотрено в рамках специальности «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право»). Данные положения в нашем диссертационном исследовании учтены при исследовании подходов по правосубъектности и определения места ИИ в сфере судопроизводства, что, в свою очередь, потребовало более детального анализа и выведения концептов представления ИИ в судебном процессе.

Рассматривая смежные диссертационные исследования, связанные с проблематикой применения ИИ в сфере публичного управления, необходимо отметить работы А. О. Турганбаева и А. А. Щитовой.

А. О. Турганбаев исследует вопросы применения технологий искусственного интеллекта и других новейших технологий в стратегическом планировании в государственном управлении, отмечая, что ИИ может принимать участие на всех этапах деятельности органов власти (нормотворчество, контрольно-надзорная деятельность и т. д.)³ (рассмотрено в рамках специальности «Административное право, финансовое право, информационное право»). Представленный Турганбаевым А. О. подход по применению ИИ в стратегическом планировании в сфере публичного управления в нашем исследовании был использован как основа для обоснования необходимости установления областей применения ИИ в тестовом порядке, формировании индикативных показателей эффективности от его применения и выработки правового регулирования в отношении указанной технологии ИИ.

А. А. Щитова в своем диссертационном исследовании отмечает релевантность применения приема юридической фикции к системам ИИ и возможность рассмотрения их как электронное лицо, которое может выступать новым субъектом информационного права, к которому применяются новые характеристики право-, дее- и деликтоспособности (в частности, безвиновные формы ответственности)⁴. Положения данного автора мы учитывали в исследовании подходов к определению правосубъектности и места ИИ в сфере публичного управления.

В целом настоящее диссертационное исследование направлено на проектирование и реализацию комплексного подхода в определении эффективных мер регулирования технологии ИИ, на основе системного анализа теоретических и прикладных исследований, посвященных правовому регулированию общественных отношений, связанных с применением технологии ИИ. Результаты проведенного исследования позволят определить те

¹ Марченко А. Ю. Правовой анализ новейшего законодательства ЕС о применении технологий искусственного интеллекта: дис. ... канд. юрид. наук 2022.

² Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018.

³ Турганбаева А. О. Стратегическое планирование в государственном управлении: административно-правовое исследование дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020.

⁴ Щитова А. А. Правовое регулирование информационных отношений по использованию систем искусственного интеллекта: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022.

области публичного управления, в которых требуется совершенствование административно-правового инструментария.

Объектом диссертационного исследования является комплекс общественных отношений, которые складываются в связи с развитием и использованием технологий искусственного интеллекта в сфере публичного управления.

Предметом диссертационного исследования выступили положения международных документов, нормы законодательства Российской Федерации и ряда зарубежных стран, судебная практика, акты судебных органов, материалы правоприменительной практики, концептуально-программные документы (в т. ч. стратегического характера), отечественная и зарубежная научная литература по проблематике правового регулирования искусственного интеллекта в публичной сфере.

Цель настоящего диссертационного исследования: на основе сравнительно-правового анализа теоретических исследований, законодательной и правоприменительной практики регламентации применения ИИ в публичной сфере зарубежных стран и России разработать концептуальную модель регулирования ИИ в сфере публичного управления в РФ и сформулировать рекомендации по совершенствованию действующего законодательства РФ в обозначенной сфере.

Цель диссертации предопределила решение нижеследующих научно-исследовательских задач:

- определение и структурирование основных концептуальных подходов к пониманию и теоретической интерпретации категории *искусственный интеллект*;
- выявление философско-правовых вопросов, связанных с обеспечением подотчетности и прозрачности предлагаемых искусственным интеллектом решений (рекомендаций) для целей публичного управления;
- идентификация организационно-теоретических вопросов адаптивности машинного обучения применительно к публичному праву в условиях неопределенности выбора человека;
- систематизация общих философско-этических вопросов развития искусственного интеллекта в сфере публичного права;
- определение и теоретическое осмысление понятийного аппарата, связанного с технологией искусственного интеллекта на уровне нормативно-правовых документов и научных исследований в странах романо-германской, англо-саксонской, социалистической, религиозной и традиционной систем права и потенциальных областей применения ИИ в публичном секторе на уровне стратегических документов органов власти на основе компаративного анализа;
- определение круга вопросов, связанных с правовым регулированием применения искусственного интеллекта как объекта правоотношений в области стандартизации, сертификации и саморегулирования в зарубежной практике;
- установление областей применения и правового регулирования порядка применения искусственного интеллекта в контексте оформления авторских прав на результаты интеллектуальной деятельности в зарубежных странах, в том числе подходов органов власти и нормативно-правового регулирования указанной области при определении авторства ИИ;
- выявление порядка применения искусственного интеллекта в рамках судебного процесса в зарубежных странах и определение роли указанной технологии в последующем предиктивном правосудии;
- определение областей применения искусственного интеллекта в публичном управлении;
- выявление характеристики актуальных проблем интеграции ИИ в сферу публичных отношений в России на кратко-, средне- и долгосрочных временных периодах;
- определение эффективности предлагаемой автором действующей модели регулирования применения искусственного интеллекта и описание рисков ее отсутствия применительно к публичному праву России.

Методологическая основа исследования представлена комплексом философских, общенаучных, специально-научных методов познания, включая диалектический, системный, структурно-функциональный, формально-юридический (догматический), сравнительно-правовой метод, метод правового моделирования и др.

Данное диссертационное исследование построено на фундаментальных философско-мировоззренческих идеалах и ценностях, включая правовое государство, деление права на частное и публичное, материальное и процессуальное, обеспечение реализации правовых мер в целях достижения баланса интересов. Общенаучный диалектический метод дал возможность рассмотреть положение ИИ в правовом поле с точки зрения вариативности регулирования и тенденций последующего развития регулирования указанной технологии, обосновать достоинства и недостатки различных подходов к решению вопросов, составляющих проблематику настоящего исследования.

Формально-юридический анализ и философско-правовой подход способствовали разработке и осмыслению ряда новых правовых понятий, как в рамках определения сущности ИИ, так и определения значения и роли ИИ в публичной сфере. На основе применения формально-юридического метода, а также методов формальной логики, таких, как описание, сравнение, классификация, анализ и синтез, определены необходимые меры по обеспечению комплексного подхода к регулированию ИИ в частноправовом и публичном поле и сформулированы предложения по формированию и совершенствованию отдельных элементов в нормативном правовом регулировании ИИ в России.

В рамках всего диссертационного исследования делается особый акцент на осуществлении сравнительно-правового исследования, подходов и регулирования ИИ в публичной сфере на основании опыта зарубежных государств и России. Данный метод, применяется в ходе исследования для изучения правового регулирования ИИ в различных странах и правовых системах, для теоретической и практической интерпретации их сущности, областей применения в публичной сфере, а также в целях выявления различных конструкций и их типических черт регулирования.

Данный метод открывает возможность выявления как общего, совпадающего, схожего в понимании подходов в регулировании ИИ в публичной сфере, так и особых черт, присущих различным системам права. Кроме того, обозначенный метод позволяет формировать соответствующие предложения в рамках теоретических и прикладных вопросов в области представления ИИ в публичной сфере.

Реализация сравнительно-правового ракурса исследования осуществляется на основе признанных в области сравнительного правоведения трудов как российских (А. Я. Капустин¹, В. И. Лафитский², Г. И. Муромцев³, М. В. Немытина⁴, В. С. Нерсесян⁵, А. Х. Саидов⁶, Ю. А. Тихомиров, В. Е. Чиркин⁷), так и зарубежных (М. Ван Хук⁸, Р. Паунд⁹) исследователей, опирается на признание следующих ключевых концептуальных подходов в методологии сравнительно-правовых исследований: цивилизационный, герменевтический, аксиологический, антропологический.

¹ Методология сравнительного правоведения: материалы конференции (Москва, 5 декабря 2011 г.) / ред. коллегия Ю. А. Тихомиров (ответственный редактор), В. И. Лафитский, А. Я. Капустин. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2012. 168 с.

² Лафитский В. [и др.] Сравнительное правоведение в образах права. 2010.

³ Сравнительные исследования правовых систем, правовых культур: учебное пособие для вузов / М. В. Немытина, Г. И. Муромцев, Н. В. Варламова [и др.]; под ред. М. В. Немытиной. М.: РУДН, 2016. 355 с.

⁴ Немытина М. В. Научные подходы и методы исследований в правоведении // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 9. С. 72–83.

⁵ Нерсесян В. С. Сравнительное правоведение в системе юриспруденции // Государство и право. 2001. № 6. С. 5–15.

⁶ Саидов А. Х. [и др.] Сравнительное правоведение и юридическая география мира. 1993.

⁷ Чиркин В. Е. Элементы сравнительного государственоведения. М., 1994.

⁸ Марк В. Х. Методология сравнительно-правовых исследований // Правоведение. 2013. № 3 (308). С. 121–147.

⁹ Pound R. What may we expect from comparative law // ABAJ. 1936. Vol. 22. С. 56.

Цивилизационный подход обуславливает необходимость изучения и определения феномена ИИ, а также вопросов его регулирования в процессе имплементации в публичную сферу в ключевых правовых системах, их равнозначности для исследования обозначенного вопроса.

Герменевтический подход в рамках исследования обеспечивает возможность определения и толкования материально (в текстах) зафиксированных норм и практик регулирования ИИ в разрезе частноправовых и публичных правоотношений с учетом как законодательных актов, так и – в случае англосаксонской системы права – судебных актов в отношении ИИ.

Аксиологический подход позволяет выделить различия в степени разработанности правового статуса, сущностно-содержательных реалиях и перспективах правового регулирования ИИ в публичной сфере в разных правовых системах и национальных законодательствах.

Антропологический подход предусматривает юридизацию феномена ИИ применительно к социально-правовому бытию человечества в конкретных исторических контекстах.

При проведении сравнительно-правового анализа использовался комплексный инструментарий (А. А. Малиновский¹, М. В. Немытина²), включая понятийно-правовой, функциональный, структурный, контекстно-правовой, нормативный и доктринальный, хронологический (диахронический и синхронный срезы), уровневый (макро- и микро-сравнения) инструменты сравнения, критерии отбора материала и соответствующие методики.

Метод правового моделирования опирался на труды В. Д. Рудашевского³, В. А. Леванского⁴, А. Ф. Черданцева, А. С. Безрукова, В. С. Плетникова.

С учетом различных дефиниций модели в правовых исследованиях ключевыми в настоящей диссертации являются характеристики, согласно которым модель в юриспруденции «выступает в качестве интеллектуально-волевого описания того или иного объекта, процесса или явления государственно-правовой жизни..., повторяет существенные свойства моделируемого объекта, процесса или явления государственно-правовой жизни..., может быть идеальной/реальной/должной по состоянию»⁵, интегральной или специальной по характеру отражения правовой действительности, социально- преобразующей или гносеологической по инструментальному назначению, соответственно дескриптивной или прескриптивной с точки зрения назначения описания данных⁶, структурной, функциональной, сущностной с точки зрения характера представленных в модели элементов оригинала⁷, статической или динамической; кроме того, мы учитываем, что модели могут различаться с точки зрения этапов моделирования (концептуальная модель, модель сбора или хранения данных и т. д.), предмета моделирования (модели правоотношений, процессов, механизмов) и объекта моделирования (познание социальных явлений/собственно -правовых явлений).

Метод правового моделирования в совокупности с междисциплинарными методами позволили обсуждать релевантность проектирования концептуальной модели регулирования ИИ в публичной сфере России на различных горизонтах планирования для оценки

¹ Малиновский А. А. Методология сравнительного правоведения // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 3. С. 9–24.

² Там же.

³ Рудашевский В.Д. 1980. Право и моделирование // Методологические проблемы советской юридической науки / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М.: Наука. С. 290–308.

⁴ Леванский В.А. 1986. Моделирование в социально-правовых исследованиях. М.: Наука. 158 с.

⁵ Плетников В. С. Понятие и виды моделей в современной отечественной юриспруденции: теоретико-правовое исследование // Антиномии. 2016. Т. 16, № 2. С. 121–135.

⁶ Безруков А. С. Правовая модель как инструмент юридической науки и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Владимир. 2008.

⁷ Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. М.: Норма, 2012.

эффективности и исполнимости предложенных в диссертации подходов к регулированию ИИ в контексте публичной сферы.

Теоретическую основу диссертации составили научные работы ряда отечественных исследователей в целях определения теоретических подходов в определении и регулировании ИИ, как в общеправовом поле, так и в административной сфере, а именно труды Архипова В. В., Базаркиной Д. Ю., Васильева А. П., Власова Г. Д., Войниканис Е. А., Воробьевой И. Б., Габова А. В., Гаджиева Г. А., Глазыриной М. А., Голубева С., Данилова И. Б., Карташова В. Н., Климовой А. С., Клишас А. А., Коробеева А. И., Костюковой К. С., Кравчука Н. В., Красавиной Л. Н., Крысановой Н. В., Лаптева В. А., Лежникова М. А., Мартынова А. В., Минбалеева А. В., Момотова В. В., Наумова В. Б., Незнамова А. В., Нечкина А. В., Паньини Ф., Перской В. В., Понкина И. В., Примшиц Д., Прошунина М. М., Рахматулиной Р. Ш., Редькиной А. И., Савенков А. Н., Савиной В. С., Свиридовой Е. А., Скурко Е. В., Ужова Ф., Филиповой И. А., Фроловой Е. Е., Цыпленковой В., Чучаева А. И., Щитовой А. А., Ястребова О. А.

Нормативную основу диссертационного исследования составили принципы и нормы Конституции Российской Федерации, федеральных законов России, указов и распоряжений Президента Российской Федерации, постановлений и распоряжений Правительства Российской Федерации, правовых актов федеральных органов исполнительной власти России, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, международные правовые акты, касающиеся вопросов регулирования ИИ, национальные и наднациональные документы стратегического характера в отношении регулирования ИИ в иностранных государствах различных систем права, акты судебных органов, законодательство отдельных иностранных государств, а также законопроекты в указанной области в России и иностранных государствах.

Эмпирическую основу исследования сформировали статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ, решения судов иностранных государств, данные ОЭСР и иные источники органов власти России и иностранных государств, посвященных проблематике регулирования ИИ.

Научная новизна работы заключается в том, что она представляет собой первое в публично-правовой науке России выполненное на монографическом уровне системное исследование по проблематике регулирования применения искусственного интеллекта в публичной сфере в России и ведущих зарубежных государствах; данное исследование формирует теоретические и практические подходы к обеспечению регулирования применения ИИ в рамках стратегического целеполагания, закрепленного нормативно-правовыми документами Президента России и Правительства России, а также с учетом теоретических исследований и практических примеров применения ИИ в зарубежных государствах в публичной сфере.

1. На основании сравнительно-правового анализа отечественных и зарубежных теоретических исследований установлены основные подходы к определению понятий, связанных с технологией ИИ, проблемами регулирования применения ИИ, также установлены основные области, требующие регламентации.

2. Выявлены проблемы обеспечения прозрачности предлагаемых для ИИ рекомендаций и решений при его использовании в публичных правоотношениях.

3. Выделен комплекс проблемных вопросов, связанных с внедрением составной системы ИИ (машинного обучения) в систему публичной власти и базовых решений в указанной области.

4. Установлены основные философско-этические вопросы, связанные с присутствием ИИ в правовом поле.

5. Установлены общие подходы и специфика законодательного определения ИИ, текущие подходы в области регулирования и стратегии развития ИИ на национальном уровне, ведущих научных учреждений по оценке ОЭСР и отдельных ученых в области изучения ИИ,

присущие романо-германской, англо-саксонской, социалистической, религиозной и традиционной системам права.

6. Выполнен и системно представлен сравнительно-правовой анализ опыта государств, относящихся к различным правовым системам, в области стандартизации и сертификации продукции ИИ, и сформулированы предложения по совершенствованию регулирования указанной области.

7. Выполнен и системно представлен сравнительно-правовой анализ регулирования порядка предоставления авторских прав на результаты интеллектуальной деятельности, связанных с применением технологии ИИ и его потенциального авторства в государствах, относящихся к различным правовым системам, и разработаны меры по совершенствованию регулирования указанной области.

8. Выполнен и системно представлен сравнительно-правовой анализ доктринальных и практических подходов к определению правосубъектности ИИ в контексте различных конструкций для нужд публичного права государств, относящихся к различным правовым системам.

9. Определены базовые подходы для применения ИИ в контексте реализации предиктивного правосудия; обоснована на фактическом материале необходимость сохранения контроля со стороны судей и исключение вмешательства/влияния на продукты ИИ со стороны ветвей власти и разработчиков ИИ.

10. Разработаны критерии осуществления интеграции ИИ в публичную сферу, обоснована необходимость градуированного подхода в отношении обработки информации, необходимость совершенствования законодательства в области обработки информации и распределения ответственности между всеми задействованными сторонами.

11. Разработана авторская концептуальная модель интеграции ИИ в публичную сферу на этапах кратко-, средне- и долгосрочного периодов с учетом проведенного анализа теоретических исследований, законодательной, судебной и правоприменительной практики, применения ИИ в судебном процессе и деятельности органов власти, в сфере технического регулирования.

12. Смоделирована ситуация рисков при сохранении нормативно-правового регулирования ИИ на текущем уровне, при отсутствии регулятивного воздействия в отношении ИИ, и определена устойчивость авторской модельной конструкции на предмет соответствия стратегическим документам России в регулировании ИИ.

Положения, выносимые на защиту

1. Основная сложность для применения ИИ в публичной сфере заключается в обеспечении прозрачности рекомендаций и решений, предлагаемых указанной технологией. Данная проблема обусловлена ее технологической природой и ее динамичным характером обработки данных.

Потенциальным решением обозначенной проблемы с точки зрения объяснимости для граждан и должностных лиц является использование «контрфактуальных объяснений», разъясняющих только те факторы процесса принятия решений на основе ИИ, которые необходимо изменить, чтобы прийти к нужному результату при другом исходе.

Указанная модель объяснений должна включать в себя детализацию:

- а) базы данных системы ИИ;
- б) модели и логики принятия решений;
- в) стандарты качества, применяемые системными операторами;
- г) эталонные группы или профили, используемые системой;
- д) фактические или потенциальные выводы, сделанные системой в отношении заинтересованного лица;
- е) обоснование альтернативности выбора применительно к человеку.

2. Интеграция ИИ в деятельность публичной власти включает комплекс следующих организационных проблем:

а) проблема неоднородности данных, проистекающих из большого спектра правоотношений, регулируемых административным правом;

б) проблема выборки данных (дел) из-за сложности отбора дел или недостаточной репрезентативной базы данных;

в) проблема формирования поведенческой адаптации или искаженной оценки ИИ посредством воздействия на открытые базы данных злоумышленниками; проистекающее из этой ситуации нарушение базовых прав (равенство прав) со стороны ИИ, даже при условии соблюдения принципа правовой определенности;

г) должностные лица органов власти на текущей стадии являются основными регуляторами – фильтрами, помогающим понять информационный «шум», создаваемый в выборке. Однако это сохраняет потенциальный риск злоупотребления со стороны должностных лиц и предъявляет дополнительные требования к их квалификации.

3. Общие черты законодательного определения ИИ для государств, относящихся к различным правовым системам, включают следующие позиции:

а) большинство законодательных и доктринальных определений сфокусированы на детализации ИИ в контексте технической оснащенности и компонентной сложности ИИ; данное перечисление может быть бесконечным с учетом технологического развития и нецелесообразным (в виду необходимости постоянной актуализации технологических инструментов); в целом под ИИ понимается или программное обеспечение, или технология, или комплекс технологических решений (романо-германская система), технология или система (англосаксонская система), технология или программное обеспечение, использующее компьютер или оборудование в качестве своей оболочки (религиозная, традиционная и социалистическая системы права);

б) общим для стран с различными правовыми системами является выделение органа(нов) власти в области ИИ, который(е) осуществляет(ют) мониторинг исполнения стратегии в области ИИ или осуществляет(ют) консультации для других органов власти (в странах англо-саксонской системы права);

в) большинство стран в законодательном определении ИИ не уделяют внимание конечному результату, порождаемому ИИ, а описывают процесс достижения цели (использование образа и принципов мышления, присущего человеческому мозгу и (или) человеческой науке).

4. В современных условиях развития искусственного интеллекта в разных системах права и государствах, представленных в рамках одной правовой семьи, могут быть выделены разные подходы к определению искусственного интеллекта и его применимости в публичных отношениях.

Европейские страны определяют ключевые индикаторы стратегии с помощью качественных показателей (без конкретных метрик, за исключением денежных затрат) и в большинстве случаев рассматривают конкретный сегмент применения ИИ в публичной сфере без должной детализации, либо выбирают узкоспециализированный сегмент.

На национальном уровне в области регулирования ИИ в странах романо-германской системы права наиболее комплексный подход представлен в России. Он отвечает на вопросы, где востребован ИИ и какие конкретно публичные функции могут быть возложены на него с учетом потенциальных правовых рисков (в количественной и качественной оценке).

5. Страны англосаксонской системы права, такие как США, Великобритания, на законодательном уровне фиксируют целевую значимость ИИ в контексте результата – для рациональных действий, включая интеллектуального программного агента, способного давать рекомендации, прогнозы или решения.

В США и Канаде вопрос фиксации конечной ожидаемой цели в отношении ИИ на текущем уровне развития технологии не представлен, однако для целей публичной власти используется инструмент ежегодного аудита эффективности исполнения бюджета в отношении ИИ.

Опыт планирования Великобритании фиксирует конкретные результаты в области регулирования ИИ на этапах кратко- средне- и долгосрочного прогнозирования, с качественным и количественным описанием результата.

6. На национальном уровне в области регулирования ИИ в странах социалистической, религиозной и традиционной систем права определены профильные органы власти, которые реализуют или разрабатывают стратегию в области ИИ; при этом в большинстве случаев не прибегают к жестко регламентированному законодательному закреплению определения ИИ и определения конкретных целевых показателей по результатам исполнения стратегии (за исключением Королевства Саудовской Аравии). Данный «мягкий» подход по-своему обеспечивает гибкость в регулировании ИИ на уровне публичной власти, однако порождает существенные вопросы со стороны научного сообщества.

7. Сравнительно-правовой анализ законодательного определения ИИ и текущих подходов в области регулирования и стратегии развития ИИ в публичной сфере государств, относящихся к различным правовым системам, а также теоретических исследований ученых, представляющих ведущие научные организации по оценке ОЭСР, определил, что в большинстве государств с различными правовыми системами основной акцент делается на фиксации образа мышления, идентичного человеку. Это заранее ограничивает горизонт обработки и интерпретации данных технологией ИИ, однако может быть отправной точкой для определения автономности ИИ, где результат, предлагаемый ИИ, должен быть сопоставим или лучше, чем его выполнение обеспечивал бы человеческий интеллект; соответственно, диссертантом предлагается сделать дополнительный акцент на получаемом результате и получателе результата (может выступать как физическое лицо, так юридическое лицо, так и государство в лице своих органов власти и т. д.).

8. Для целей осуществления взвешенного и сбалансированного административно-правового и технологического регулирования в отношении ИИ необходимо последовательное осуществление контроля со стороны государства за разработкой национальных стандартов и принципов сертификации, в целях недопущения формирования правил в отношении ИИ со стороны коммерческих компаний (или ассоциаций), преследующих своей целью извлечение прибыли, в т. ч. посредством монополизации конкретного отраслевого рынка, который они представляют.

9. Для целей административно-правового регулирования ИИ в РФ (с учетом опыта правового регулирования, представленного в государствах с различными правовыми системами) рекомендуется рассмотреть возможность создания ассоциации ИИ в форме некоммерческой саморегулируемой организации с рядом особых публичных полномочий, со смешанным государственно-общественным составом из числа представителей профильных органов власти, реализующих государственную политику в сфере цифрового развития, в т. ч. в отношении применения ИИ.

Данная конструкция позволяет снять базовые вопросы, которые включают фиксацию выплаты роялти в адрес данной организации, создание компенсационного фонда, внедрение интерактивных инструментов контроля за лицами, разрабатывающими и использующими технологии ИИ, обеспечение досудебного порядка рассмотрения споров в указанной области, учитывающей сложную природу указанной технологии.

10. Алгоритмизация права при использовании ИИ потенциально может повлиять на порядок принятия решения судьями и в будущем окажет влияние на прецедентную систему права, унифицировав принятые судьями решения.

При этом вопрос формирования внутренних убеждений при принятии решения может столкнуться с вопросами как влияния предиктивного анализа на базе ИИ, так и формирования потенциального «слепок» логических умозаключений конкретного человека (в т. ч. судьи); ИИ может формировать соответствующие прогнозы относительно исхода судебного дела у конкретного судьи.

Соответственно, на текущем этапе развития технологии требуется сохранение контроля со стороны «человека»-судьи.

Правовое регулирование ИИ на уровне ЕС потенциально размывает принцип разделения ветвей власти и делает возможным опосредованное при разработке ИИ для целей судебного разбирательства вмешательство профильного органа власти в области ИИ; это предопределяет необходимость регламентации подходов к использованию указанных продуктов ИИ со стороны соответствующих ветвей власти в России с учетом апробации технологии на практике и соответствующего запрета на влияние ИИ со стороны разработчиков, пользователей и т. д.

11. С учетом общемировых тенденций присутствует высокая вероятность замещения человека ИИ при выполнении ряда задач, исполняемых госслужащими (по опыту разных стран), все больше вынуждает рассматривать автономность ИИ в принятии решений от имени органа власти и в рамках его компетенций. При реализации полной или частичной автономности при принятии юридически значимых решений профильные органы власти должны быть обеспечены информацией, касающейся прозрачности функционирования и эксплуатации ИИ, а также необходимой подотчетностью в отношении ИИ. Открытость кода ИИ для органов власти, равно как и полностью регламентированная деятельность ИИ, порождает необходимость детализации правового статуса автоматизированных программ и конкретный инструмент распределения ответственности за действия ИИ, оператора со стороны органа власти (или в лице представителя органа власти по доверенности или высших должностных лиц) и разработчика механизма.

Также необходимо предоставление исходного кода ИИ органам власти для целей возможного отключения технологии в случае нештатных ситуаций.

12. При делегировании функций публичной власти ИИ в целях соблюдения основ безопасности ИИ и недопущения недобросовестных практик различных сторон-участников процедуры рекомендуется разработка алгоритмов ИИ исключительно на базе государственных научных организаций (преимущественно финансируются за счет средств государства) или подконтрольных им юридических лиц.

13. В аспекте работы ИИ с персональными данными, их обработки и использования в рамках всех ветвей власти необходимо закладывать ряд ограничений в работе ИИ применительно к обработке персональной информации, связанной с гражданином, и применительно к конфиденциальной или иной охраняемой законом информации. При проведении контрольных мероприятий со стороны органов власти необходим градуированный подход в зависимости от степени общественной опасности правонарушения. Указанная степень потенциальной опасности будет влиять на формирование различных уровней допуска к информации при использовании ИИ в отношении субъектов контроля. При этом само нормативно-правовое регулирование, определяющее порядок обработки персональных данных или данных, представляющих коммерческую тайну, а также регламентирующее порядок проведения контрольных мероприятий со стороны органов власти, требует совершенствования механизмов как привлечения к ответственности за сохранность указанных данных и недопущения их неправомерного распространения, так и регламентацию порядка использования ИИ в указанной сфере.

14. Доктринальную детализацию дефиниции сверх ИИ, которая вызывает на данном этапе дискуссии из-за технологической сложности определения ИИ, предлагается проводить дифференцировано в разрезе государств с различными правовыми системами и технологической составляющей в указанной области; степень автономности ИИ и последующее формирование сверх ИИ требует «плавных» механизмов адаптации регулирования ИИ на средне- и долгосрочный периоды.

15. На основании проведенного сравнительно-правового исследования концептуальных подходов к регламентации применения ИИ, нормативно-правовых актов, судебной и правоприменительной практики в зарубежных странах и России сформулирована новая авторская концептуальная модель имплементации ИИ в сферу публичных правоотношений.

Необходимость в формировании авторской концептуальной модели определяется в связи с тем, что отечественные и зарубежные теоретические исследования и прикладные решения по исследуемой проблематике реализуются изолированно.

Данная модель является интеллектуально-волевым описанием правового регулирования искусственного интеллекта в публичной сфере, воспроизводит следующие ключевые составляющие данного явления государственно-правовой жизни:

Понятийно-содержательный блок: официально закрепленное в государственном законодательстве определение ИИ, характеристика уровней его развития, сущностные различия каждого уровня ИИ, как следствие функционала и потенциала внедрения ИИ в публичную сферу.

Инструментальный блок:

- правотворчество (наличие законодательно-нормативной базы);
- государственная политика (государственная стратегия/концепция в области ИИ с перечнем мер и установленными целевыми показателями);
- правоприменение по ИИ (по факту или в перспективе);
- доктринальные разработки (теоретико-методологические вопросы применения ИИ);
- планирование в области регулирования ИИ в публичной сфере (с выделением краткосрочного, среднесрочного и долгосрочного горизонтов планирования);
- дифференциация инструментов применительно к ключевым сферам публичных правоотношений и на различных этапах планирования и внедрения регулирования ИИ в публичную сферу.

Институциональный блок:

- государственный орган власти, ответственный за правовое регулирование ИИ и его имплементацию в публичную сферу;
- государственные, частные и общественные институты;
- профессиональные и научные сообщества, задействованные в имплементации ИИ в публичную сферу.

Модель является реальной и динамической по состоянию, интегральной с точки зрения инструментального назначения, способа и характера представления данных.

16. Авторский концептуальный подход к построению модели регулятивного воздействия на ИИ учитывает стадийность разработки технологии и ее уровень готовности с точки зрения TRL.

Стадийность регулирования требует закрепления на горизонте краткосрочного (1–3 года), среднесрочного (3–5 лет) и долгосрочного (5–10 лет) планирования в рамках различных комплексов и подходов в регулировании ИИ в различных отраслях права, т. е. пересмотр законодательства требуется на каждой ключевой вехе в контексте всех взаимосвязанных сегментов права и специализированной направленности применения ИИ, а также скорости развития самой технологии ИИ и готовности органов власти.

17. На этапе краткосрочного планирования регулирования ИИ в России авторская концептуальная модель предусматривает возможность:

- введения дифференцированных входных барьеров для участников рынка (по аналогии с банковской, строительной деятельностью) с определением конечного бенефициара (крупный бизнес, наука, малый и средний бизнес);
- введения обязательного порядка вступления в саморегулируемую организацию (СРО), дифференцированного подхода к формированию компенсационных выплат согласно оценке потенциального ущерба или рыночной позиции, консолидации базовых функций по аккумуляции средств, получаемых в рамках авторского вознаграждения, предоставляемого ИИ членом СРО;
- фиксации прямой обязанности СРО в активном участии (как эксперта или разработчика) стандартов уровня ГОСТ с привлечением профильных органов власти;
- фиксации основного контура судебных дел, рассматриваемых с использованием ИИ.

18. На этапе среднесрочного планирования регулирования ИИ в России авторская концептуальная модель предполагает:

- прямо зафиксировать дифференцированные подходы к определению уставного капитала лиц, выступающих разработчиками, пользователями, продавцами и иными лицами, участвующими в функционировании и применении ИИ в разрезе их аффилированности с возложением дополнительных контрольных функций на СРО, обеспечивающих в случае неисполнения исключения указанных лиц из СРО; формирование на базе СРО открытой базы данных (рейтинга) для целей определения надежности, защищенности и адаптированности технологии, предлагаемой членом СРО, с соответствующими преференциями и санкциями для участников указанного рейтинга;

- возложить обязанности на вышеуказанных лиц по единому отчислению ранее агрегированных средств в порядке авторских выплат для целей проведения совместно с профильным органом власти эксперимента применимости конструкции «безусловного дохода»;

- закрепить за профильным органом власти обязанности ведения закрытого рейтинга ИИ для целей интеграции технологии в публичную сферу, включающего в себя критерии интегрированной зрелости ведомств, использующих ИИ, эффективность ИИ и их технической устойчивости;

- ввести дополнительные инструменты санкций и преференций для участников указанного рейтинга на основании исполнения ими показателей, заложенных в критериях.

Обозначенный выше закрытый рейтинг в контексте обеспечения его интеграции в публичную сферу обязует профильный орган власти:

- вести «книгу белой практики» в отношении ИИ;
- формировать пул эффективных ИИ для целей органов власти;
- определять потенциальные области исполняемых органами власти функций к их полному замещению ИИ, частичному замещению и полностью «человеческих»;
- осуществлять право ходатайствовать о проведении внеплановой проверки в отношении должностных лиц, неэффективно использующих ИИ в правовом поле, перед Генеральной Прокуратурой и Счетной Палатой России;
- определять уровни допуска к информации ИИ в публичной сфере и участию в деятельности технических комитетов в области стандартизации, в целях недопущения дублирования положений ГОСТ, а также подготовки стандартов «некомпетентным» участником рынка;

- реализовать совместное с СРО участие в определении перечня аккредитованных лабораторий для целей сертификации ИИ для публичной сферы.

Аналогичный подход предлагается установить для целей определения эффективности в контексте административной юстиции за соответствующим подразделением при Верховном суде с учетом возможного риска представления идентичного алгоритма ИИ как со стороны административного ответчика, так и алгоритма, рассматривающего дело со стороны суда (надстройки процедур отвода для ИИ), а также необходимость участия СРО в качестве третьего лица и участника досудебного урегулирования спора в контексте ИИ.

При этом до рассмотрения споров в Суде по интеллектуальным правам предлагается также обязательный внесудебный порядок рассмотрения споров в СРО, но при этом в самой процедуре судебного разбирательства применение ИИ запрещено.

19. На этапе долгосрочного планирования регулирования ИИ в России авторская концептуальная модель предполагает:

- введение дополнительных конструкций для лиц, выступающих разработчиками, пользователями, продавцами и иными лицами, участвующими в функционировании и применении ИИ, использующих узкоспециализированный ИИ, общий ИИ и сверх ИИ с последующей адаптацией дифференцированного подхода по представлению ИИ в публичной сфере;

- введение дополнительных инструментов контроля со стороны СРО и органов власти;

- определение потенциальных секторов применения ИИ, учитывающих влияние на антропогенную составляющую;
- формирование дополнительных инструментов контроля и ликвидации указанных лиц по ходатайству органов власти;
- проектирование необходимых инструментов реализации предиктивного административного преследования в отношении определенной категории административных дел, учитывающих дополнительные отягчающие и облегчающие вину факторы;
- разработка дополнительных подходов в контексте предиктивных позитивных правоустанавливающих действий со стороны ИИ, учитывающих принцип формирования «роевого» ИИ, оптимального для пользователей государственных услуг;
- формирование инструментов и подходов полноценной реализации административной юстиции с включением ИИ как полноценного участника при принятии решений, при соблюдении ряда условий, в том числе при наличии контроля решений за человеком через конструкцию коллегиального рассмотрения или расширения практики судей присяжных (для определенных категорий дел), с учетом сложности дела и процессуальных вопросов, определяющих порядок участия сторон, с проведением предиктивного анализа для участников судебного процесса; в контексте стандартизации деятельности сверх ИИ рекомендуется фиксация ответственности за регламентацию деятельности указанного ИИ за системообразующими участниками рынка ИИ.

20. Комплексный авторский подход к моделированию регулирования ИИ соответствует основным требованиям к нормативно-правовому регулированию ИИ, заложенным в Указе Президента России и Распоряжении Правительства Российской Федерации.

При сохранении нормативно-правового регулирования ИИ на текущем уровне существуют следующие риски:

- а) нарушение технологического суверенитета и предоставление доступа к охраняемым законом данным иностранным контрагентам, в т. ч. риск передачи данных, используемых для публичного управления;
- б) подготовка документов в области стандартизации без должной экспертизы со стороны рынка ИИ с последующей административной и судебной практикой;
- в) повышенные риски для должностных лиц, ввиду отсутствия легальных инструментов разворачивания технологии ИИ в публичной сфере;
- г) повышенные риски для государства с учетом создания сверх ИИ, с учетом отсутствия видимых инструментов мониторинга активности ИИ, используемого как в частных правоотношениях, так и в публичной сфере;
- д) отсутствие «стоп» механизма для ИИ со стороны органов власти в случае масштабных форс-мажорных обстоятельств;
- е) иные риски, проистекающие из отсутствия комплексного регулирования ИИ на различных этапах планирования государственной политики.

Теоретическая значимость диссертации состоит в том, что ее результаты позволят обогатить содержание концептуальных положений теории административного права и юстиции, онтологии ИИ и его потенциального правового регулирования в связи с возрастающей ролью в общественных правоотношениях.

Теоретические выводы и положения концептуального характера вносят весомый вклад в административно-правовую науку, развивают и дополняют имеющийся понятийный аппарат в контексте определения ИИ для публичной сферы, содействуют формированию сбалансированного подхода к государственному регулированию и развитию национальной стратегии в отношении ИИ. Разработанные предложения и рекомендации в перспективе предлагается применять в качестве общетеоретической базы для организации и проведения научных разработок в области регулирования ИИ на кратко-, средне- и долгосрочных этапах планирования применения ИИ в публичных и частноправовых правоотношениях.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применять сформулированные в ней предложения и выводы при разработке нового и совершенствовании

действующего законодательства в области регулирования искусственного интеллекта, а также его интеграции в публичную сферу, в целях обеспечения единообразной правоприменительной практики и обеспечения надлежащего баланса интересов общества и государства.

Научные результаты диссертационного исследования могут быть использованы в учебном процессе при преподавании ряда учебных дисциплин и курсов, а также представляют интерес для законотворческой деятельности.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Степень достоверности исследования доказывается результатами анализа юридической литературы на русском и иностранных языках, нормативных правовых актов Российской Федерации, международных документов, законодательства и правоприменительной практики иностранных государств.

Апробация результатов исследования

Последовательная апробация полученных по итогам диссертационного исследования результатов была проведена в ходе участия диссертанта в ряде научных мероприятий, включая 5-ю Международную конференцию по образованию и общественным наукам (Стамбул, Турция, 2018 г.); 7-ю Международную конференцию по образованию и социальным наукам (Дубай, ОАЭ, 2020 г.); Международный университетский научный Форум «Practice Oriented Science: UAE – Russia – India» (Дубай, ОАЭ, 2024 г.); круглый стол на тему: «Искусственный интеллект: угроза или возможности для развития? Вопросы информационной безопасности» под эгидой Комитета Совета Федерации РФ по конституционному законодательству и государственному строительству (2023), а также в процессе практической педагогической деятельности диссертанта в Федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» в формате лекционных и практических занятий по дисциплинам «Административная юстиция», «Информационные технологии в юридической деятельности», «Искусственный интеллект и технологии Blockchain», а также в рамках участия диссертанта в конкурсе «Лидеры России».

Важные научные выводы, положения и предложения, сформулированные в диссертационном исследовании, нашли отражение в монографии и научных статьях, опубликованных в международных изданиях, индексируемых в базах Scopus, WOS, а также журналах, рекомендованных ВАК России.

Соответствие паспорту специальности 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки. Выполненная диссертация соответствует следующим пунктам паспорта специальности: 13. Публично-правовой механизм обеспечения безопасности личности, общества и государства; 14. Правовое регулирование государственного управления в различных сферах; 16. Публичный контроль и надзор в публично-правовой и частноправовой сферах; 18. Административные процедуры и административные производства. Административный судебный процесс и административная юстиция; 19. Административные правонарушения и административная ответственность. Производство по делам об административных правонарушениях; 25. Публично-правовое регулирование в сфере информации и информационных (цифровых) технологий, архивного дела и защиты информации; 26. Правовое регулирование использования информационных (цифровых) технологий при осуществлении публичной власти и в публичном управлении.

Структура диссертационного исследования. Диссертация состоит из введения, 4 глав, включающих 16 параграфов, заключения и списка используемых источников и литературы общим объемом 867 позиций, включающих нормативные правовые акты России и иностранных государств, специальную научную литературу, материалы судебной практики; в тексте представлены разработанные автором 13 сравнительных таблиц и 4 аналитических графика.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обосновывается актуальность диссертационного исследования, характеризуется степень научной разработанности темы диссертации, определяются ее объект, предмет, цель, и задачи. Также формулируется научная новизна и определяются методологические, теоретические, нормативные и эмпирические основы исследования. Во введении представлены положения, выносимые на защиту, обозначены теоретическая и практическая значимость исследования, включены сведения об апробации результатов исследования.

Первая глава – Теоретико-правовые вопросы определения места искусственного интеллекта в системе публичного управления – включает 3 параграфа.

В первом параграфе рассматриваются концептуальные подходы к пониманию и теоретической интерпретации категории «искусственный интеллект».

В рамках данного параграфа рассматриваются различные подходы к определению искусственного интеллекта в государствах с различными системами права и представителей научного сообщества исследуемых стран. Вопрос регулирования порядка применения ИИ активно прорабатывается в последние годы, однако в разных странах глубина научной проработки различна, в т. ч. в силу технической обеспеченности ресурсами и технологиями, которые неоднородны.

Во втором параграфе исследуются теоретические проблемы в области интеграции искусственного интеллекта в публичную сферу. Предметом исследования являются философско-правовые вопросы в области обеспечения прозрачности искусственного интеллекта для целей публичного права. Также изучаются организационно-теоретические вопросы адаптивности машинного обучения и ИИ применительно к публичному праву в условиях неопределенности выбора человека.

В этом параграфе отмечается, что в целях формирования баланса необходимо идентификация критичности сектора ИИ, качества и значимости индивидуальных и коллективных прав, на которые влияет развертывание системы ИИ, определение вида данных (независимо от того, касаются ли они особых категорий персональных данных или иных охраняемых законом сведений), установление того, насколько тесно технология интегрирована в отдельные процессы принятия решений, определение того, каким образом защитить законный интерес системных операторов в секретности ИИ организационными, техническими или юридическими средствами, установление необходимости внедрения контрфактуальных объяснений ИИ в действия человека («что будет, если» при принятии альтернативных юридически значимых действий), а также определение значимости вопроса «черного ящика» для всех участников принятия решений.

При этом формирование сбалансированного подхода при внедрении ИИ в сферу публичных правоотношений требует формирования плавных механизмов адаптации регулирования ИИ на средне- и долгосрочный период.

Большинство применяемых технологий ИИ, как правило, являются системами машинного обучения, и их использование в публичной сфере порождает ряд принципиальных теоретических вопросов в сфере административного права, среди которых представляется возможным выделить следующие дискуссионные области:

- проблема принятия решения на основе больших данных из-за большого спектра правоотношений, регулируемых административным правом, требует конкретизации сферы применения ИИ относительно каждой конкретной подотрасли права;

- проблема выборки данных (дел) в текущей реальности для административного права обуславливает вопрос относительно эффекта отбора при принятии решения или предвзятости из-за недостаточной проработки дела;

- человеческий фактор в принятии решения является существенным, а на стадии формирования ИИ является неотъемлемым, поскольку для составного элемента – машинного обучения, именно должностное лицо будет фильтром, помогающим понять информационный «шум», создаваемый в выборке;

– машинное обучение на текущем этапе будет приносить как свои преимущества, так и недостатки (до стадии формирования ИИ), среди которых можно выделить риск формирования поведенческой адаптации или искаженной оценки посредством воздействия на открытые базы данных злоумышленниками. Кроме того, машинное обучение существенно увеличивает риск нарушения базовых прав (утраты принципа равноправия), даже при условии соблюдения принципа правовой определенности;

– потенциальный переход к персонализированным административным преследованиям не следует смешивать с системой правовых норм, направленных на регулирование индивидуальной поведенческой идиосинкразии («персонализированное административное право»). Такая система потребовала бы не только персонифицированного исследования, основанного на абстрактно-общих правилах, но и набора конкретно-индивидуальных правил, предусматривающих разные правовые предписания для разных (гетерогенных) типов лиц;

– проблема разрыва между технологией и правовой доктриной, который создает концептуальную неоднозначность, требует устранения со стороны органов власти.

В третьем параграфе определяются ключевые направления философско-этических концепциях развития искусственного интеллекта в правовом поле.

Автор на основе анализа текущих исследований выделяет следующий круг вопросов в области этики (вопросы, возникающие в связи с реально существующими и внедрёнными технологиями ИИ): вопросы, связанные с тем, как люди представляют себе технологию ИИ; вопросы, связанные с технологиями ИИ, какими они могут быть в будущем; вопросы роли человеческих качеств и морального выбора при принятии решения ИИ, в т. ч. в контексте объяснимости, прозрачности ИИ и вообще необходимостью этих инструментов для человечества; вопросы восприятия ИИ как животного, человека, друга и т. д.; а также вопросы влияния ИИ на фундаментальные права человека (потенциальное сужение и расширение областей права). По итогам обозначенного выше анализа автор приходит к выводу, что философско-этические вопросы, поднимаемые научным сообществом, включают в себя проблемы восприятия технологии ИИ сейчас и в отдаленном будущем. Причем последний аспект вызывает наиболее бурную дискуссию, поскольку поднимаются фундаментальные вопросы, связанные с принятием ИИ решений, его восприятием через различные конструкции (вещь, человек, аналог животного), а также потенциальное влияние на саму юриспруденцию в случае внедрения ИИ в области публичного права (потенциальное сужение или расширение областей права).

Вышеуказанный перечень вопросов определяет необходимость детального изучения подходов к определению феномена ИИ, областей применения ИИ, соответствующих норм и практик, составляющих инструментов, влияющих на оценку и выдачу рекомендаций при использовании указанной технологии в публичной сфере в разрезе различных правовых систем. Соответствующий анализ степени разработанности правового статуса, сущностно-содержательных реалий и перспектив правового регулирования ИИ в публичной сфере в разных правовых системах и национальных законодательствах обеспечит интегральную реализацию герменевтического, аксиологического, антропологического, концептуальных подходов к изучению практики правового регулирования искусственного интеллекта в публичной сфере. Данный ракурс изучения вопросов регулирования ИИ в сфере публичного управления позволит выявить общность и специфику подходов на уровне субъектов законодательной практики и объектов ее правоприменения, научных учреждений соответствующих стран как представителей разных правовых систем, а также определить основные сегменты правоотношений, требующие приоритетной регламентации, с учетом технологической природы ИИ. Эти задачи решаются во второй главе.

Вторая глава – Сравнительный анализ теоретических подходов, правового регулирования по применению искусственного интеллекта в публичном секторе государств, относящихся к различным правовым системам – включает три параграфа.

В первом параграфе изучаются концептуальные подходы к законодательному определению искусственного интеллекта, стратегическому планированию его внедрения в

публичный сектор, а также теоретические вопросы применения ИИ в сфере публичного управления применительно к странам романо-германской системе права. Материалом исследования выступали документы стратегического характера, определяющие роль ИИ в публичных правоотношениях России, Германии, Франции, Нидерланд, Эстонии, Японии. Результаты сравнительного анализа стран романо-германской системы права представлены в авторских Таблицах 1–3 в тексте диссертации.

По итогам анализа выявлено, что законодательная дефиниция ИИ представлена во всех исследуемых странах, равно как и закрепленная государственная стратегия в отношении ИИ и его применению в публичной сфере. В части определения ответственных органов власти прямо закреплены профильные органы во всех странах кроме Японии (функция совета при кабинете Министров) и Нидерландов (представлены несколькими органами власти). Конкретные целевые показатели в отношении государственной стратегии представлены частично в России и полноценно в Эстонии (см. Таблицу 1 текста диссертации, стр. 139).

Результаты исследования свидетельствуют о том, что ведущие научные учреждения (по оценке ОЭСР) указанных стран проводили сравнительно-правовые исследования по применению и регулированию ИИ (в т. ч. в публичной сфере), изучали вопросы по возможному выделению правосубъектности ИИ, внедрению дополнительных подходов к допуску информации для ИИ (в т.ч. в контексте информации защищаемой охраняемыми документами) и регламентацией ответственности за действия ИИ (см. Таблицу 2 текста диссертации, стр. 140).

Согласно полученным данным, законодательное определение понятия ИИ установлено во всех исследуемых странах и дополняется определениями, которые представлены в стандартах (Россия) и стратегических документах государств (Германия) (см. Таблицу 3 текста диссертации, стр. 142).

Во втором параграфе данные вопросы рассматриваются применительно к англо-саксонской системе права на материале США, Великобритании, Новой Зеландии, Канады и Сингапура. Результаты сравнительного анализа стран-лидеров англо-саксонской группы рассмотрены в авторских Таблицах 4–6 в тексте диссертации.

Проведенный анализ законодательного определения ИИ закреплен только в США и Великобритании. Ответственные органы власти представлены во всех странах исследуемой выборки, за исключением Новой Зеландии, а применение ИИ в публичной сфере представлено обобщено без отраслевой конкретизации. Стратегия в области применения ИИ разработана практически во всех странах сформированной выборки, за исключением Новой Зеландии. Целевые показатели установлены только Великобритании и Сингапуре, но при этом США и Канада используют ежегодный отчет о результатах для оценки результативности указанной стратегии (см. Таблицу 4 текста диссертации, стр. 178).

Выполненная аналитическая работа свидетельствует о том, что ведущие научные учреждения (по оценке ОЭСР) указанных стран проводили сравнительно правовые исследования по применению и регулированию ИИ (в т. ч. в публичной сфере), изучали вопросы по возможному установлению правосубъектности ИИ. Отдельно стоит выделить Новую Зеландию, где научное сообщество сигнализирует о необходимости формирования национальной стратегии в области ИИ и формированию гибких подходов к определению ИИ в зависимости от степени готовности технологии ИИ (см. Таблицу 5 текста диссертации, стр. 180).

Результаты эмпирической аналитики подтверждают, что законодательное определение ИИ представлено в США, Великобритании и Канаде, которое дополняется законодательством штатов (США), отраслевыми отчетами (Великобритания) и законопроектами (Канада). В Новой Зеландии определение ИИ отмечено только в отраслевом отчете университета Отаго, а в Сингапуре отражено в циркуляре Офиса интеллектуальной собственности Сингапура (см. Таблицу 6 текста диссертации, стр. 182).

В третьем параграфе предметом анализа являются государства социалистической, религиозной и традиционной систем права на примере Китая, Саудовской Аравии, Объединенных Арабских Эмиратов, Израиля и ЮАР.

Результаты сравнительного исследования стран-лидеров различных правовых систем – социалистической, религиозной и традиционной – дифференцированы и детализированы в авторских Таблицах 7–9 текста диссертации.

Согласно полученным данным, законодательное определение ИИ имеет место только в Китае. Ответственные органы власти присутствуют во всех странах представленной выборки (как и последующее применение ИИ в публичной сфере), а стратегия в области применения ИИ закреплена во всех странах указанной выборки за исключением ЮАР. Целевые показатели присутствуют в национальных стратегиях КСА и Израиле (см. Таблицу 7 текста диссертации, стр. 210).

Результаты анализа свидетельствуют о том, что, по оценке ОЭСР, ведущие научные учреждения указанных стран проводили исследования в области этических принципов применения ИИ, обеспечения необходимого уровня регулирования для защиты данных, а также осуществляли сравнительно-правовые исследования стратегий применения ИИ на уровне государств, стандартизации (см. Таблицу 8 текста диссертации, стр. 211).

Полученные в ходе изучения вопроса данные подтверждают, что законодательное определение ИИ закреплено в Китае, где ИИ – моделирование или расширение человеческого интеллекта за счет использования компьютеров или оборудования, контролируемого ими для восприятия окружающей среды, получения знаний, дедукции, индукции и других методов. В ОАЭ присутствует отсылочная норма на определение ИИ в руководстве об ИИ, принятое в г. Дубае (ISO/IEC 2382:2015/16) (см. Таблицу 9 текста диссертации, стр. 212).

На основании проведенного сравнительного исследования в области дефиниции ИИ в различных странах (на уровне законодательных инициатив, а также альтернативных подходов в определении ИИ, см. авторские Таблицы 3, 6, 9 текста диссертации), а также с учетом определённых в первой главе доктринальных основ определения границ ИИ, автор делает следующие выводы.

Большинство законодательных и доктринальных определений сфокусированы на детализации ИИ в контексте технической оснащённости и сложности. Перечисление технически ориентированных характеристик может быть бесконечным с учетом технологического развития и нецелесообразным (ввиду необходимости постоянной актуализации инструментов).

Акцент на технологической природе (результате человеческой мысли, обрамленной в программной или «железной» форме) ИИ является ключевым и необходимым идентифицирующим фактором, поскольку в ряде стран и на доктринальном уровне предлагается интерпретация ИИ как программы, системы, цифровой технологии. Данный способ идентификации ИИ потенциально сужает области применения ИИ.

Страны из романо-германской, социалистической, религиозной и традиционной системы права не учитывают в законодательном определении ИИ ориентацией на конечный результат, порождаемый ИИ. Вместо этого описывается процесс достижения цели (использование образа и принципов мышления присущего человеческому мозгу и (или) человеческой науке).

Автору представляется перспективным при детализации определения ИИ уделять внимание на конечном результате и получателе результата от ИИ. В данном случае пользователем ИИ может выступать как человек, так юридическое лицо (в т. ч. публичные лица). При этом сам результат должен быть на базовом уровне, не противоречащим принципам и нормам Конституции. При определении способов обработки и интерпретации данных технологией ИИ фиксация образа мышления идентичного человеку заранее ограничивает горизонт, однако может быть отправной точкой для определения автономности ИИ, где результат, предлагаемый ИИ, должен быть сопоставим или лучше, чем его исполнение человеческим интеллектом.

В диссертации отмечается, что в части подходов к национальному регулированию ИИ на уровне стратегических документов государств (авторские Таблицы 1, 4, 7 в тексте диссертации) не все страны формулируют конкретную прикладную задачу в области применения ИИ в публичной сфере, ее регламентации, а также задачу установления целевых показателей, достигаемых данной технологией как для государства, так и для общества. Данный подход вызывает настороженность у научного сообщества (в особенности в странах, где указанная стратегия не принята), что разделяется автором. В России вопрос применения ИИ в публичной сфере пока открыт, хотя законодательные вопросы, проистекающие из сущности применения ИИ в данной сфере, отражены в документах, изданных Правительством России и Президентом страны.

В целом в данной главе применительно к конкретным правовым контекстам (общественные отношения, которые складываются в связи с развитием и использованием технологий искусственного интеллекта в сфере публичного управления) был проведен сравнительный анализ текущего состояния подходов и практики правового регулирования ИИ в публичной сфере разных стран как представителей различных правовых систем.

Выполнен анализ понятийно-правового содержания ИИ в аспекте его регулирования в публичной сфере в обозначенных странах. Проведено структурно-функциональное сравнение субъектов правотворчества в отношении регулирования внедрения ИИ в публичную сферу и объектов правоприменения ИИ в публичной сфере. Также проведено сравнение действующих нормативных документов государства и сфер доктринальных разработок научного юридического сообщества в определенных для анализа странах.

Таким образом, сравнение выполнено на микроуровне (анализ отдельных конкретных компонентов системы общественных отношений в исследуемой области), мезоуровне (национальные подходы и практика правоприменения ИИ в публичной сфере конкретной страны) и макроуровне (ситуация в рамках определенной правовой системы). В части хронологических рамок анализа доминирующим является синхронный срез, хотя также присутствуют элементы диахронического анализа в более широком временном диапазоне учета отдельных практик отдельных стран.

В результате анализа решены задачи по выявлению общих практик, тенденций, перспектив, а также выделены особенности подходов и практики правового регулирования ИИ в публичной сфере разных стран как представителей различных правовых систем.

Результаты исследования в настоящей главе позволяют обсуждать предварительное определение ключевых компонентов модели регулирования ИИ в сфере публичного управления зарубежных стран и России: *понятийно-содержательный блок* (официально закрепленное в государственном законодательстве определение ИИ); *инструментальный блок* (правотворчество, наличие законодательно-нормативной базы), государственная политика (государственная стратегия в области ИИ с перечнем мер и установленными целевыми показателями), правоприменение по ИИ (по факту или в перспективе), доктринальные разработки (теоретико-методологические вопросы применения ИИ); *институциональный блок* (государственный орган власти, ответственный за правовое регулирование ИИ и его имплементацию в публичную сферу, государственные, частные и общественные институты, профессиональные и научные сообщества, задействованные в имплементации ИИ в публичную сферу).

Данные компоненты до настоящего времени сепарировано изучаются различными ведущими научными институтами указанных стран и заявляются как в доктринальных исследованиях, так и на уровне правотворчества (стратегических документов, посвященных государственному регулированию ИИ), государственного управления (система органов государственной власти), правоприменения. Выводы данной главы также определяют необходимость изучить подходы к стандартизации и сертификации ИИ, к применению ИИ в сфере защиты результатов интеллектуальной деятельности, к использованию и регламентации ИИ в сфере публичного управления и судопроизводства, поскольку эти направления

выделяются в законодательной деятельности, государственной политике, научных исследованиях стран-представителей различных правовых семей.

Третья глава – *Сущность и содержательные характеристики правового регулирования применения ИИ в публичной сфере* – включает шесть параграфов, в которых исследуются подходы к стандартизации и сертификации ИИ, к применению ИИ в сфере защиты результатов интеллектуальной деятельности, к использованию и регламентации ИИ в сфере публичного управления и судопроизводства.

В целях формирования поэтапного регулирования ИИ автором определяется необходимость учета стадийности разработки технологии и ее уровня готовности с точки зрения TRL.

Стадийность регулирования требует закрепления на горизонте краткосрочного (1–3 года), среднесрочного (3–5 лет) и долгосрочного (5–10 лет) планирования на различные комплексы и подходы в регулировании ИИ в вышеуказанных блоках вопросов, т. е. совершенствование законодательства требуется на каждой ключевой вехе в контексте всех взаимосвязанных сегментов права и специализированной направленности применения ИИ, а также с учетом скорости развития самой технологии ИИ и готовности органов власти.

В рамках первого параграфа рассматриваются базовые проблемы, связанные со стандартизацией и сертификацией ИИ. Автором отмечено, что разработка стандартов в области ИИ является приоритетной задачей большинства стран в мире. Соответствующий приоритет определяется как на национальном, так и наднациональном уровнях.

Подготовка стандартов в области регламентации ИИ в зарубежных странах осуществляется прямо (если речь идет о США и Европе) или опосредовано негосударственными организациями с участием заинтересованных компаний и корпораций, которые закладывают свои конкурентные преимущества и впоследствии влияют на базовые законные права, свободы и интересы человека (в т. ч. через призму ослабления контроля за технологией со стороны государства). С точки зрения регламентации применения ИИ в публичных правоотношениях нужно учитывать опыт европейских стран по выявлению и градированию степени риска, связанного с технологией ИИ. Однако представленный Регламентом ЕС уровень оценки и присвоение уровня опасности ИИ в каждом конкретном случае требует дополнительных уточнений, а также постоянный контроль ИИ является важной задачей государства и не может быть передан в частный сегмент.

Технология ИИ является многокомпонентной, что создает необходимость глубинной детализации процедуры стандартизации и сертификации. Это, в свою очередь, постоянно расширяет границы предметной области стандартизации. Данное расширение потенциально размывает границы области стандартизации и несет существенные риски или за двоения предметной регулирования стандарта, или вступления противоречия стандартов на трансграничной области.

Во втором параграфе исследуются подходы к защите результатов интеллектуальной деятельности, связанной с представленными изобретениями со стороны ИИ в различных странах. Диссертантом выявлена сложность в определении авторства при применении указанной технологии и предлагается создание ассоциации, занимающейся вопросами применения ИИ в форме некоммерческой саморегулируемой организации с рядом особых полномочий. Применение указанным СРО обязательного внесудебного порядка рассмотрения авторских споров снимет нагрузку на суды и усилит качество отраслевой экспертизы в части применения ИИ. Большая часть вопросов, рассматриваемых в рамках судебного процесса, касается определения интеллектуальной направленности ИИ и его прикладного аспекта для решения конкретной задачи. Учитывая специфику рассматриваемых дел, возможно привлечение экспертного сообщества и их рассмотрение в конкретном прикладном блоке (особое внимание необходимо зафиксировать за медицинской, образовательной, финансовой и военной детальностью). Формирование компенсационного фонда у данного лица на базе конструкции выплаты роялти (разработчик ИИ прямо не участвовал в создании конечного

продукта) также позволит нивелировать социально-правовые риски путем введения безусловного базового дохода.

В третьем параграфе проводится детальный анализ возможности применения принципа *habeas corpus* в отношении животных, который предоставляет им определенную правосубъектность. Судебная практика показывает, что данный принцип не может быть применен по аналогии применительно к ИИ, для формирования его правосубъектности, поскольку поднимает вопрос о личности, осознанности и иных аспектах человеческой онтологии применительно к ИИ.

В четвертой параграфе проводится анализ подходов к регулированию ИИ через конструкции юридического лица, «человека» или «агента», которые представлены в мировой практике.

Автором отмечается, что наиболее предпочтительной конструкцией в мировой практике может выступать юридическое лицо, которое позволяет использовать инструменты по формированию резервного фонда для покрытия убытков, внедрять инструменты подотчетности технологии ИИ и «стоп факторы», которые должны быть представлены в базовой правовой конструкции ИИ и прошиты на уровне основного кода. Это потребует введения единого реестра технологий ИИ (электронных лиц) в целях недопущения дублирования объекта (в случае если в одной из стран данный объект был помечен как опасный для человека и исключен из реестра юридических лиц) и контроля за основным «хабом» ИИ. Данные механизмы адаптированы под текущие правовые конструкции регулирования ИИ, представленные в зарубежных странах, однако и они требуют большого количества законодательных инициатив и корректировок, что потенциально формирует избыточные административные барьеры.

Конструкция правосубъектности ИИ, равной человеку, по мнению автора, на текущий момент является нерациональной, поскольку данный подход не отвечает на вопрос субъектности ИИ в разрезе его ответственности, эквивалентной человеку. Риски от указанной конструкции влияют как на реализацию внутренней политики государства, так и на практику взаимодействия с иностранным государством, гражданином которого выступает ИИ, что формирует соответствующие вопросы в области административных правоотношений (регистрация, постановка на учет пребывающего гражданина и т.д.).

Применение конструкции «агента» в отношении технологии ИИ представлено в ряде стран ЕС. Для проверки ее использования рассмотрена правоприменительная практика государств в области автономного транспорта и военного применения ИИ, где прямо фиксируется ответственность за правонарушение или нанесенный материальный ущерб на конкретного владельца ИИ или того, кто принимает решение (водитель/военный).

Данный подход в отношении транспортного средства сформулирован более чем конкретно во всех ведущих странах мира и закреплён законодательно, в то время как военное применение ИИ находится в противоречивом регулятивном состоянии. Ряд стран не считают нужным на текущий момент запрещать в явной форме применение ИИ в военной сфере, поскольку технология может иметь двойное назначение и, таким образом, из-за запрета не будет развита до необходимого странам уровня. Кроме того, в текущих подходах и принципах ведения войны ответственность за принятие решение лежит на том, кто отдал приказ на его исполнение (человек). При этом не детализируется вопрос о том, каким образом будет оцениваться ущерб при оценке военного применения ИИ и какие административные санкции будут накладываться на соответствующих должностных лиц.

В пятом параграфе проводится анализ применения ИИ в судебном процессе, представленным в мировой и отечественной практике. Автором отмечается, что использование технологии ИИ в административном и иных судебных процессах и степень готовности данной технологии к ее промышленному применению находится на разном уровне в разных странах. Однако никто из профессионального сообщества не отрицает, что технологический потенциал ИИ имеет большие перспективы и влияние на работу судей, и осуществление правосудия в отношении органов публичной власти. Алгоритмические

подходы ИИ кратно быстрее позволяют обрабатывать объем информации и существенно сокращать срок рассмотрения дела, что, в свою очередь, позволяет судьям концентрироваться на более сложных делах. Вместе с тем, сохраняется риск потенциально сокращения количества судебных сотрудников и судей, что потенциально может вести к рискам вырождения человеческого права и формированию новых подходов и принципов судопроизводства.

На текущий момент, используя принципы алгоритмического восприятия права ИИ, можно потенциально говорить о том, что в будущем ИИ существенно изменит прецедентную систему права, унифицировав все человеческие подходы принятых судебных решений и выработав единые правовые подходы.

Ученые-правоведы и судьи отмечают, что судебный процесс неотъемлем от человека в силу наличия у него внутренних убеждений, совести и т. д., что недоступно ИИ. Однако, по мнению автора, данный тезис входит в определенное противоречие с общемировой судебной практикой. Опыт США, Великобритании, Китая, показывает, что суды активно используют ИИ для вынесения решения на основании выдаваемых ИИ рекомендаций, а в ряде случаев ИИ косвенно подменяет судью путем формального соглашения с его стороны (в силу высокой точности выдаваемых рекомендаций ИИ). Уже сейчас в ряде случаев судебская практика в части приказного производства почти полностью замещается ИИ.

Выделяя человеческий фактор в форме внутренних убеждений, влияющих на вынесение того или иного решения, можно также привести контрдовод в виде предиктивного анализа судебных дел или же анализа судебной практики конкретного судьи. Данный подход, заложенный на большом массиве данных о конкретном человеке, может потенциально сформировать «слепок» логических умозаключений конкретного человека (в т. ч. судьи) и выдавать соответствующие прогнозы относительно исхода судебного дела у конкретной судьи. Открытым в этой связи останется вопрос, как судья будет реагировать на такую информацию при принятии решений.

Автор поддерживает необходимость сохранения «ручного» контроля за ИИ в особенности для новых типов судебных дел или составляющих уникальную судебную конструкцию, требующую человеческого вмешательства. В этой связи рационально установить необходимость обязательного участия человека в процедуре апелляционного обжалования решений который может принимать ИИ, а также введения дополнительной категории дел, подсудных исключительно для человека-судьи. Отдельно необходимо выделить состав судей и порядок проведения процесса (в т. ч. порядок оценки доказательств) при оценке действий самого ИИ (как участника судебного или административного процесса).

Учитывая опыт недобросовестной практики применения ИИ в публичной сфере, автор считает необходимым выведение после этапа разработки ИИ указанной технологии из-под сферы влияния со стороны разработчика, в целях сохранения монополии на использование указанных продуктов со стороны соответствующих ветвей власти, с учетом апробации технологии на практике.

Шестой параграф посвящен возможности детализации областей применения ИИ в сфере публичного управления. В рамках указанного параграфа подробно изучаются примеры использования ИИ в публичной сфере в контексте позитивного и негативного опыта зарубежных стран и исследуются его причины. Автор отмечает, что позиция разных стран и ведомств показывает неизбежность замещения ИИ ряда должностных обязанностей, выполняемых госслужащими. ИИ кратно быстрее, качественнее и беспристрастнее обрабатывает большой массив данных и с определенным промежутком времени дает почти абсолютно точный результат. Данная точность, в свою очередь, все чаще ставит вопрос о необходимости рассматривать автономность ИИ в принятии решений от имени органа власти и в рамках его компетенций. Данная автономность, как показывает опыт, требует выработки определенных подходов в определении прозрачности действий ИИ и его подотчетности. По мнению автора, открытость механизма ИИ, равно, как и полностью регламентированная деятельность ИИ порождает необходимость детализации правового статуса

автоматизированных программ и формирование конкретного механизма распределения ответственности за действия ИИ, оператора со стороны органа власти (или в лице представителя органа власти по доверенности или высших должностных лиц) и разработчика механизма.

При делегировании задач публичной власти ИИ становится обязательным соблюдение принципов прозрачности анализа действий ИИ, лежащих в основе принятого решения. По мнению автора, в целях соблюдения основ безопасности при применении ИИ и недопущения недобросовестных практик со стороны коммерческих организаций, эксплуатирующих его, а с учетом опыта зарубежных стран рекомендуется разработка алгоритмов ИИ исключительно на базе государственных научных организаций (преимущественно финансируются за счет средств государства) или подконтрольных им юридических лиц. Данный подход обусловлен тем, что финансируемые государством научные организации не будут заинтересованы в формировании «лазеек» в алгоритмах ИИ, смогут объективно улучшать технологию ИИ для целей государственного регулирования; соответственно, данная адаптация и развитие ИИ будет нацелено на благо общества, а не извлечение прибыли (как это делают крупные корпорации).

В диссертационном исследовании отмечается, что применение ИИ в процессе функционирования всех ветвей власти определяет необходимость совершенствовать регулирование обработки и хранения сведений, связанных с персональными данными и иных охраняемых законом сведений. По мнению автора, на этапе проектирования и внедрения технологии ИИ необходимо закладывать технические ограничения в работе ИИ при работе со сведениями, отнесенными к охраняемым для таких участников общественных отношений, как граждане и юридические лица. При проведении контрольных мероприятий со стороны органов власти необходим градуированный подход в зависимости от степени тяжести правонарушения в отношении общественных интересов и, как следствие, различный уровень допуска к информации в отношении субъектов контроля для анализа ИИ. При этом само законодательство, регулирующее порядок обработки персональных данных или данных, предоставляющих коммерческую тайну, требует совершенствования регулятивных подходов в отношении определения лиц и привлечения их к ответственности за нарушения порядка сохранения указанных данных и недопущения их неправомерного распространения.

В выводах по результатам анализа в главе 3 конкретизирована авторская модель по перспективному регулированию применения ИИ на кратко-, средне- и долгосрочных периодах планирования, определяющих основные подходы в регулировании технологии, функционирующей в публичной сфере, а также по дифференциации инструментов применительно к различным сферам публичных правоотношений и на различных этапах планирования и внедрения регулирования ИИ в публичную сферу.

Четвертая глава – *Актуальные вопросы интеграции искусственного интеллекта в сферу публичных отношений в России* – включает 4 параграфа. В главе определяются базовые подходы к интеграции ИИ в сферу публичных отношений в России, включая области и порядок регулирования искусственного интеллекта в публичной сфере на кратко-, средне- и долгосрочный срочный периоды.

В рамках первого параграфа определено, что в целях выполнения текущих задач ИИ в публичной сфере необходимо формирование различных уровней допуска к информации для указанной технологии в зависимости от степени тяжести потенциального правонарушения, которые будут зафиксированы в соответствующем законодательстве (или подзаконных актах с отсылочной нормой в законе, регулирующей деятельность ИИ). Автором предлагаются три уровня. На первом – базовом – уровне (проведение камеральных проверок с незначительным уровнем правовых последствий для общества) используются верифицированные открытые базы данных и базы данных органа власти, который он ведет (исключение – операторы баз данных). Далее на продвинутом уровне (проведение камеральных и выездных проверок со значительным уровнем правовых последствий для общества, а именно потенциальное совмещение административной и уголовной ответственности малой и средней тяжести)

данные, запрашиваемые у других органов власти, требуют верификации оператора (представителя органа власти – человека), данные, получаемые при согласии участника административного процесса или сформированной описи по результатам проверочных процедур представителем органа власти – человеком. Последним является предиктивный уровень (проведение анализа по потенциальным правонарушениям, влекущим гарантированное привлечение к административной и уголовной ответственности по тяжким и особо тяжким преступлениям), который предусматривает автоматический сбор данных по всем открытым и закрытым источникам без участия человека для последующего его информирования о целостной картине правонарушения и возможного трансграничного порядка ведения административного и уголовного дела. В рамках обработки данных ИИ, предусмотренных предиктивным и продвинутым уровнем, рекомендуется предоставление информации о проводимых проверочных мероприятиях через портал госуслуг или иной защищенный сервис, после подписания соглашения о конфиденциальности или иного регламентирующего документа с обязательной фиксацией обязанности о неразглашении путем подписания ЭЦП. В целях указанной реализации необходимы поправки в Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации». При этом сам алгоритм и механизм проведения проверочных мероприятий должен быть доступен только органу власти и судебной ветви власти по запросу в рамках судебного рассмотрения.

Учитывая опыт регламентации применения ИИ в публичной сфере ЕС, а также реализацию вышеуказанного порядка доступа к информации ИИ, рекомендуется рассмотреть внесение изменений в КоАП России (ст. 13.11) посредством расширения санкционной части статей за счет введения оборотных штрафов, как это указано в статье 14.31. При этом приемлемым диапазоном предлагается определить 6–10% (как это представлено в ЕС) от совокупной выручки юридического лица, а также предусмотреть введение механизма дисквалификации для должностных лиц (статья 3.11).

В рамках применения ИИ в сфере деятельности органов власти автором предлагается издание Постановления Правительства Российской Федерации, обзывающее органы власти внедрить «второй контур безопасности» в лице ИИ, который анализирует действия госслужащего, в рамках статьи 59 Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 № 79-ФЗ. При разработке ИИ для публичной сферы должна быть установлена норма, ограничивающая круг разработчиков только научными или государственными организациями (с учетом представленных в главе 2 и 3 примеров), поэтому порядок их определения требует поправок прямо в 44-ФЗ и 223-ФЗ или издания дополняющего закон Постановления Правительства России. Для обеспечения подотчетности ИИ и контроля за ними автором предлагается разработка перечня технологий и компаний, занимающихся разработкой в сфере ИИ (на базе опыта ЕС). Порядок формирования и ведения указанного реестра рекомендуется возложить на Минцифры России с учетом определения базового уровня готовности технологии ИИ для последующего мониторинга и адаптации законодательства в кратко-, средне- и долгосрочных периодах.

В контексте применения ИИ в судебном процессе рекомендуется внесение изменений в АПК и КАС РФ (главы 29 и 33 соответственно) в части дополнения порядка участия ИИ в упрощенном порядке рассмотрения споров сторон, а также создание возможности формирования особых сегментов правоотношений в сфере административного судебного процесса. В случае участия со стороны истца или ответчика технологии ИИ или предоставления материалов, обработанных ИИ, рекомендуется обязательное проведение проверки судом (человеком) на допустимость и законность представленных доказательств в рамках судебного процесса.

В контексте участия технологии ИИ в гражданском, административном и ином процессе в части правосубъектности и иных вопросов, определенных в третьей главе, автор формулирует следующие предложения органам власти:

– определить требования к уставному капиталу хозяйствующих субъектов, занимающихся разработкой, применением и иными действиями, связанными с технологиями ИИ;

– создать СРО, которое объединит разносторонне направленные технологии и компании в целях формирования соответствующих инициатив по рынку, которое определит исходя из потенциальной опасности предлагаемых технологией ИИ решений, размер членских взносов и компенсационного фонда;

– наделить указанное СРО получением исходного кода ИИ для его отключения в случае форс-мажорных обстоятельств.

В диссертационном исследовании также рекомендуется:

– расширить действие части 2 статьи 11 Федерального закона от 29.06.2015 № 162-ФЗ и учесть возможность участия отраслевых СРО в деятельности технических комитетов;

– определить указанное СРО отраслевым экспертом в области ИИ для нужд ТК 164, при этом также зафиксировав участие профильных министерств, ответственных как за реализацию программы «Цифровая экономика Российской Федерации», так и за отдельные ее элементы во всех разработках по стандартизации ИИ;

– ограничить допуск участников рынка, занимающихся разработкой стандартов в отношении дистанционных методов контроля ИИ, его применение в публичных правоотношениях (со стороны органа власти) для коммерческих и иностранных компаний.

В качестве обоснования указанной необходимости автором проведен сводный анализ по разработчикам стандартов для технологии ИИ (см. Таблицу 10 диссертационного исследования) и установлено, что разработкой ГОСТ занимаются как ведущие научные учреждения (ФГБУ «Российский институт стандартизации», ГБУЗ «Научно-практический клинический центр диагностики и телемедицинских технологий Департамента здравоохранения города Москвы», АО «Всероссийский научно-исследовательский институт сертификации»), так и отраслевые компании – монополисты (ООО «Яндекс Такси») и слабо представленные на рынке профильных услуг компании, качество предоставляемых стандартов которых вызывает вопросы с точки зрения последующего внедрения и апробации (ООО «ГЕОалерт», ООО «ТВпортал», ООО «ВИДЕОИНТЕЛЛЕКТ»).

В рамках второго параграфа данной главы автором разработана концепция нормативно-правового регулирования применения ИИ в публичной сфере в среднесрочный период. В рамках указанной концепции определяются дополнительные критерии для лиц, выступающих разработчиками, пользователями, продавцами и иными лицами, участвующими в функционировании и применении ИИ и их идентификации в разрезе их аффилированности к конечному бенефициару – крупному и среднему бизнесу, для научных организаций и для малого бизнеса, а также для микропредприятий, где могут устанавливаться дополнительные требования к уставному капиталу. Для СРО с учетом апробации технологии и реестра рекомендуется дополнительная публикация в открытом доступе базовой информации об электронном лице (учредители, ЕГРЮЛ, описание технологии, руководитель, кол-во сотрудников, контактная информация и т.д.), его выручке и количестве пользователей (с необходимой глубиной аналитики в разрезе секторов экономики и количества пользователей физических и юридических лиц); данные о количестве обращений в СРО по вопросам стабильности, законности и утечки персональных данных в ходе действий ИИ; информация о количестве обращений в контрольно-надзорные органы и судебные органы (где детализируется информация о законности действий ИИ), а также факты и данные относительно совокупной длительности технических сбоев и попыток угроз внешнего воздействия (взлом).

В рамках указанных сведений предлагается введение индексов надежности, защищенности и удовлетворенности технологией ИИ, который в последствии влияет на участие в публичных правоотношения и дополняется положениями законодательства о государственных закупках, где устанавливается соответствующий индексный порог для допуска к торгам, банковское и иное финансовое законодательство (лизинг, факторинг и т.д.),

где вводятся дополнительные коэффициенты, определяющие льготную или повышенную ставку для электронных лиц на основании указанного индекса, влияние на стоимость членства в СРО, возможности введения особых налоговых режимов для электронных лиц, а также влияние на оборотный штраф и принудительную ликвидацию электронного лица.

Аналогичный реестр предлагается закрепить за лицами, выступающими разработчиками, пользователями, продавцами и иными лицами, участвующими в функционировании и применении ИИ в сфере публичного управления, в котором рекомендуется определить соответствующие формы, устанавливающие:

– долю предоставляемых услуг, связанных с ИИ в сфере публичного управления юридических лиц (в целях определения доминирующего положения на указанном рынке и потенциальных рисков монополизации правоприменительной практики);

– эффективность применения ИИ в публичной сфере (долю обработанных обращений ИИ, долю обращений, с участием должностного лица, скорость обработки обращений, долю обработанных обращений ИИ в отношении которых инициировано судебное оспаривание, техническая устойчивость ИИ в процессе эксплуатации).

Для определения эффективности применения ИИ в публичной сфере предлагается определить индекс «зрелости» органа власти в отношении технологии ИИ, который может быть показателем исполнения Указа Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490, а также инструментом для определения дальнейшего финансирования технологии в рамках соответствующего ведомства. Данный индекс включает в себя индекс эффективности обработки обращений ИИ органом власти, который рассчитывается на основании доли решений, которые выносит ИИ и которые не были оспорены соответствующим сотрудником ведомства, последующую судебную практику в отношении решений, принятых электронным публичным лицом. На базе указанных показателей возможно введение дополнительных штрафов и пеней, предусмотренных в рамках профильного законодательства, посвященного закупкам органов власти, государственных компаний и иных публичных образований, а также привлечение к ответственности должностных лиц органов власти, которые неэффективно применяют ИИ.

В качестве следующего включаемого индекса предлагается рассматривать индекс технической устойчивости, определяющий возможность допуска электронного лица к предиктивному и продвинутому уровню допуска к информации и индекс удовлетворенности. В целях формирования устойчивых подходов к внедрению ИИ в публичную сферу рекомендуется предусмотреть возможность использования принципа якорных поставщиков/резидентов (от 3 до 5 победителей в рамках процедур проведения торгов 44-ФЗ, 223-ФЗ), в рамках которого органы власти могут тиражировать фактические результаты внедрения ИИ в публичную сферу по факту достижения удовлетворительных показателей по индексам. На базе указанных индексов и апробации применения ИИ в публичной сфере возможно определение лучших практик по применению ИИ для органов власти и выделение потенциальных областей применения ИИ, которые могут быть полностью выполнены ИИ в автономном режиме, в режиме, где требуется обязательная связка ИИ и должностного лица, а также сегменты, которые исключительно попадают в сферу регулирования человека. Рассматривая применение ИИ в судебном процессе, автор подчеркивает необходимость доработки статистики, которую ведет Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации с учетом потенциального механизма оценки разработчика ИИ, который представлен выше. Также диссертант предлагает дополнить нормы АПК и КАС РФ для отвода участия ИИ в судебном процессе (для рассмотрения дела в порядке апелляции или кассации используется ИИ, показавший высокую точность вынесения прогноза устойчивости (более 80% дел) и при этом разработчик указанной системы не является разработчиком системы для органа власти, который выступает ответчиком или истцом). Кроме того, необходимо обязательное участие представителя СРО и профильного органа власти в области регулирования ИИ для верификации ранее указанных статистических данных, а также для учета правовых и технических проблем в целях последующего совершенствования ИИ. В

рамках апелляционного и кассационного обжалования, для судей является дополнительным требованием верификация допустимости и относимости доказательств к указанному делу, а также обоснованность предоставления доступа для ИИ к продвинутому и предиктивному уровню допуска информации для ИИ при осуществлении публичных механизмов контроля.

В части стандартизации продукции ИИ необходим будет пересмотр более 200 стандартов, изданных ранее с обязательной экспертизой СРО, в особенности в отношении стандартов, где разработчик не имеет прямого отношения к рынку ИИ или является потребителем продукции (см. Таблицу 10). Кроме того, рекомендуется разработка системы сертификации для ИИ, где органы по сертификации и испытательные лаборатории должны быть акцептованы также СРО и профильным органом власти. При этом, в случае, если электронное лицо планирует использовать ИИ в публичной сфере, испытательные лаборатории должны быть созданы при государственном профильном учреждении или государственной компании (с учетом отраслевой специфики).

В рамках третьего параграфа автором проводится уточнение порядка регулирования ИИ в долгосрочный период с учетом дальнейшего технологического развития, предусмотренного метрикой TRL и выявлением контуров ИИ для электронных лиц на базе узкоспециализированного ИИ, базового ИИ и сверх ИИ.

В рамках первой конструкции подразумевается, что ИИ используется для решения задач, присущих одному сегменту рынка (или смежным рынкам с учетом аналогичности процесса), с использованием идентичного алгоритмического подхода, не подразумевающего вмешательство человека до момента возникновения дополнительных ответвлений при принятии решений, возникающих в ходе принятия решения ИИ, его использование возможно в публичной сфере, с учетом обозначенных требований на кратко и среднесрочной перспективе.

Для электронного лица, использующего базовый ИИ, применение которого носит универсальный характер в обработке и решении задач, который имитирует образ и подход мышления человека и не требует вмешательства человека, на всех этапах выделяются дополнительные требования для определения автономности с обязательным прохождением процедуры сертификации и ежегодной процедуры подтверждения соответствия. Порядок прохождения сертификации (и повторного подтверждения соответствия) предусматривает обязательные испытания в аккредитованной лаборатории с государственным признаком (при государственной компании или научном учреждении). В рамках испытаний фиксируется уровень готовности технологии и потенциальные сегменты применения. В случае непрохождения указанной процедуры переквалификации электронного лица в субъект, использующий узкоспециализированный ИИ, указанные обстоятельства фиксируются в реестрах СРО и профильного органа власти, ответственного за ИИ. СРО публикует указанную информацию, а также фиксирует за электронным лицом обязанность дополнительного страхования деятельности ИИ. При этом вводятся дополнительные процедуры ликвидации указанного лица (без судебного решения) и автономии с точки зрения управления ресурсами лица через конструкции эквивалентные члену совета директоров.

Особый порядок предусматривается для лиц, разрабатывающих и применяющих сверх ИИ, использование которого превышает способы и подходы человеческого мышления. Автор подчеркивает, что указанные лица подконтрольны исключительно государственным научным организациям и государственным компаниям. Степень автономии ИИ и его ликвидации находятся напрямую в ведении органов власти, отвечающих за национальную безопасность, информационную безопасность, прогнозирование и выявление угроз безопасности объектов государственной охраны. Указанное лицо может быть допущено к публичной функции при разработке системы внутреннего контроля, которая будет отвечать на вопросы оперативных и стратегических действий ИИ, влияющих на степень угрозы обществу; данная система должна быть интерактивна как для СРО, так и для органов власти (с учетом возможности моментального отключения).

Для участия ИИ в публичной сфере следует определить возможность использования предиктивной, контрольно-надзорной и позитивной функций при формировании устойчивых и эффективных решений, использующих общий ИИ. Автор предлагает использование экспериментального предиктивного административного воздействия в рамках контрольно-надзорной функции в отношении правонарушений, связанных с дорожным транспортом, в сфере финансовых рынков и налогообложения, в сфере общественного порядка, в сфере соблюдения порядка управления, поскольку данные правоотношения носят наиболее системный характер, и их фиксация может быть обработана ИИ. В рамках данной детальности так же предлагается определить упреждающие инструменты на момент принятия решения, потенциально влекущего административную ответственность – оповещение телефона, привязанного к госуслугам (или иным средствам приема информации), описывающего потенциальный риск наступления правонарушения и возможные альтернативные решения для субъекта. Базой для анализа выступают поисковые запросы в сети Интернет конкретного субъекта, его предрасположенности к правонарушениям, предусмотренным КоАП РФ, системы наружного видео-наблюдения общественных мест и т. д.; упреждающие инструменты на момент осуществления правонарушения – блокировка (до 4 часов) доступа к публичным сервисам и услугам, уведомление и сопровождение представителя органа власти до субъекта, потенциальное задержание субъекта (ограничение передвижения лифта, блокировка автомобиля и т.д.). В реализации указанной конструкции рекомендуется дополнение КоАП РФ новой главой, определяющей порядок реализации указанных выше пунктов. В этой главе предлагается зафиксировать, что полномочия на реализацию указанных функций со стороны ИИ, используемым органами власти, допустимо только для технологий, показавших высокую правовую устойчивость при последующем судебном разбирательстве. Необходимо дополнительно установить, что в качестве отягчающих обстоятельств при совершении правонарушения будет выступать факт оповещения со стороны ИИ о недопустимости действий субъекта (ст. 4.3. КоАП РФ). В контексте упреждающего предоставления прав для пользователей ИИ в публичной сфере предлагаются поправки в закон, регулирующий порядок обработки персональных данных. В качестве нормы предлагается разрешить полностью автономный обмен данными между ИИ с высоким рейтингом надежности и эффективности для формирования прогнозных моделей для статистически эквивалентных категорий граждан и лиц (слепки); данные модели определяют наиболее часто требуемые услуги и моменты, когда данные услуги могут быть затребованы. В рамках действующего закона о рассмотрении обращений граждан (59-ФЗ), а также во внутренних регламентирующих документах органов власти, которые используют ИИ, рекомендуется предусмотреть при обработке запроса заявителя формирование карты приоритетов заявителя, где в разрезе представленных доводов (или прогнозных результатов для заявителя) формируется детализация по временным, экономическим и иным затратам для него. При этом в рамках функционирования базовой платформы для осуществления данных функций необходимо формирование рейтинга эффективности проведения очных мероприятий, которые были пройдены заявителем. Для целей применения ИИ в судебном процессе предлагается дополнение КАС и АПК РФ опциональной конструкцией для истца выбрать процессуальный порядок рассмотрения дела коллегиальным составом судей (где один из судей представлен технологией ИИ) или присяжными заседателями при участии ИИ как судьи. Подсудность данных дел определяется через фактическую сложность дела (в денежном эквиваленте) или в общественном эффекте. Дела, где административная ответственность для лица составляет в части штрафов менее 1 млн рублей, могут рассматриваться в суде присяжных (в целях снижения нагрузки на судей, реализующих более «сложное» правосудие). До заседания суда, на основании представленных документов ИИ посредством конструкции чат-бота рассматривает представленные документы истцом и дает предварительную оценку целесообразности участия истца в суде.

В диссертационном исследовании отмечается, что в случае коллегиального рассмотрения дела судьями обязательным является единогласная позиция судей и ИИ при

вынесении решений. Участие в процессе представителей СРО или профильного органа власти, отвечающего за развитие ИИ, является обязательным. Процессуальные сроки должны быть оптимизированы в 2 и более раз, отложение рассмотрения дела как опция должна быть исключена, а подключение сторон производится в принудительном порядке (в случае их отсутствия) посредством аудио-видео конференции. В случае использования слепка судьи ИИ и конструкции присяжных заседателей, полномочия ИИ сводятся к сбору, обобщению и адаптации правовых позиций сторон (справочно) для присяжных, формулировании допустимых и не допустимых доказательств, адаптации справочной информации по самому процессу (представленные доказательства и их влияние на оценку дела по существу). В ходе разбирательства ИИ дает справочную и прогнозную информацию для заседателей по потенциальному исходу дела по аналогии с решениями, которые принимали ранее другие судьи (люди). Решение заседателей сводится к определению факта правонарушения или его отсутствия в отношении заявителя (на основании метрики, представленной ИИ), возможных мер административного воздействия на то или иное лицо и иные вопросы, определяющие ответственность за совершенное правонарушение или компенсацию за действия, или бездействие органов власти. ИИ определяет порядок исполнительного производства, санкционирующую часть судебного решения (размер штрафов, сроки ареста и т.д.)

В контексте стандартизации ИИ на долгосрочном этапе автор предлагает ответственность за подготовку редакции стандарта, определяющего подходы к стандартизации деятельности сверх ИИ, прямо возложить на ограниченный круг участников рынка ИИ (системообразующие компании) и профильные ведомства в сфере безопасности и обороноспособности страны путем издания соответствующего Постановления Правительства России.

В области деятельности Роспатента рекомендуется расширение полномочий, включающих в себя применение ИИ для определения перспективных областей для исследований и патентования результатов, а также мониторинг внедрения изобретений и их реальной эффективности. В рамках данного сегмента на базе межведомственного взаимодействия, для сегментов, исключая оценку антропогенного воздействия, рекомендуется рассматривать применение сверх ИИ.

В четвертом параграфе проводится анализ авторской модели регулирования применения ИИ в России по принципам «с проектом», «без проекта», на базе которых проводится анализ действующих регулятивных подходов в отношении ИИ на предмет их соответствия установленным в Указе Президента России¹ и Распоряжении Правительства Российской Федерации². Сформированы авторские Таблицы (11–13), определяющие соответствие авторской модели положениям, закрепленным в вышеуказанных документах.

Результаты сравнительного анализа свидетельствуют о том, что авторская модель по регулированию и применению ИИ в той части, которая была представлена в рамках диссертационного исследования, соответствует основным подходам к нормативно правовому регулированию ИИ, заложенному в Указе Президента России и Распоряжении Правительства Российской Федерации. Не все вопросы, рассмотренные в диссертационном исследовании, предлагают решения по текущим пробелам и задачам, обозначенным в вышеуказанных документах. Однако с учетом разработанного автором инструмента реестров, внедряемых на уровне СРО и органов власти, данные реестры позволят оперативно корректировать регулятивные подходы, связанные с применением ИИ с учетом требуемого гибкого регулирования, заявленного в Указе Президента России (на 2024 и 2030 гг.), на средне- и долгосрочный периоды.

В случае сохранения нормативно-правового регулирования ИИ на текущем уровне существуют риски нарушения технологического суверенитета, издания стандартов в области ИИ участниками рынка, не имеющими соответствующую квалификацию, риски для

¹ Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации».

² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 19.08.2020 № 2129-р.

должностных лиц при применении ИИ, отсутствие «стоп» механизма для ИИ со стороны органов власти в случае масштабных форс-мажорных обстоятельств.

В целом в рамках данной главы проведено моделирование правового регулирования искусственного интеллекта в публичной сфере России с учетом стадийности процесса на различных этапах его планирования и реализации, с конкретизацией категориальных характеристик феномена ИИ, с учетом динамики составляющих авторской модели регулирования применения ИИ в различных сферах публичных правоотношений. Применительно к реализации модели в Российской Федерации разработаны конкретные предложения в части всех составляющих блоков авторской модели.

Выполненный анализ подтвердил реальность и должность ранее обозначенной (в выводах второй и третьей глав) модели правового регулирования искусственного интеллекта в публичной сфере РФ.

В Заключении подводятся итоги выполненного диссертационного исследования.

На основании проведенного комплексного сравнительного анализа основных отечественных и зарубежных подходов к определению искусственного интеллекта, его сущностных характеристик выявлены соответствующие преимущества, и недостатки. Полученные данные определили значимость технологического элемента – машинного обучения для ИИ с учетом неоднородности регулирования ИИ в различных странах, а также роль временного фактора адаптации указанной технологии на различных горизонтах планирования.

Вопрос обеспечения прозрачности принимаемых ИИ решений лежит в технологической области, определяющей текущую сложность и объяснимость действий ИИ для граждан и должностных лиц (в особенности неспециалистов). Базовым решением указанной проблемы может выступить использование подхода контрфактуальных объяснений.

Определены основные тенденции в области философско-этических вопросов, связанных с представлением ИИ в правовом поле, а также очерчен комплекс проблем организационно-доктринального характера в области интеграции машинного обучения (как элемента ИИ) в деятельность публичной власти. На текущем этапе развития технологии и системы машинного обучения в анализе и принятии решений со стороны ИИ необходимо участие должностных лиц органов власти как единственного источника, повышающего точность указанной технологии (до этапа формирования и развития ИИ.)

В рамках диссертационного исследования рассмотрены и уточнены подходы в области стратегии развития ИИ на национальном уровне, выявлены общие правовые области на уровне научных учреждений и отдельных ученых в сфере изучения ИИ и определены законодательные подходы дефиниции ИИ, присущие романо-германской, англосаксонской, социалистической, религиозной и традиционной системам права.

В диссертации сформулированы обобщенные признаки в определении ИИ на уровне законодательных и доктринальных подходов государств различных правовых систем.

На основе анализа зарубежного опыта стандартизации и сертификации продукции ИИ определена необходимость применительно к развитию регулирования ИИ в РФ в части усиления контроля со стороны государства в области подготовки стандартов в области ИИ, а также отмечен принципиальный риск размывания границ стандартов в отношении ИИ с учетом его многокомпонентной технической природы.

Изучены подходы к регулированию ИИ в рамках реализации авторских прав иностранных государств в контексте действий публичных органов власти и предложены потенциальные механизмы решения базовых проблем в указанной области для практики РФ.

Рассмотрены преимущества и недостатки по выделению правосубъектности ИИ через конструкцию животного, юридического лица, человека и «агента», с учетом позиции органов власти зарубежных стран и правоприменительной практики; соответствующие перспективные и негативные практики релевантны для разработки законодательной и правоприменительной практики в РФ.

В рамках диссертационного исследования определены базовые подходы по реализации конструкции судебного процесса при применении ИИ, выявлены проблемные вопросы и пути их решения для целей судебных органов иностранных государств. В части внедрения предиктивного правосудия с элементами ИИ Россия находится только на этапе становления, и сформулированные в диссертационном исследовании подходы могут быть использованы в рамках определения регулятивной политики.

Сформулированы ключевые критерии осуществления интеграции ИИ в публичную сферу, предусматривающую градуированный подход в отношении обработки информации, разработаны предложения по совершенствованию законодательства в области обработки информации и реализации распределения ответственности между всеми сторонами участниками публичных правоотношений, а также предложены основания выделения условий автономности ИИ при выполнении поставленных задач со стороны органов власти.

Разработана авторская модель комплексного регулирования ИИ для целей административного права и юстиции.

Данная модель является интеллектуально-волевым описанием правового регулирования искусственного интеллекта в публичной сфере, воспроизводит следующие ключевые составляющие данного явления государственно-правовой жизни:

Понятийно-содержательный блок:

– официально закрепленное в государственном законодательстве определение ИИ, характеристика уровней его развития, сущностные различия каждого уровня ИИ, как следствие, функционала и потенциала внедрения ИИ в публичную сферу.

Инструментальный блок:

– правотворчество (наличие законодательно-нормативной базы);
 – государственная политика (государственная стратегия/концепция в области ИИ с перечнем мер и установленными целевыми показателями);
 – правоприменение по ИИ (по факту или в перспективе);
 – доктринальные разработки (теоретико-методологические вопросы применения ИИ);
 – планирование в области регулирования ИИ в публичной сфере (с выделением краткосрочного, среднесрочного и долгосрочного горизонтов планирования);
 – дифференциация инструментов применительно к ключевым сферам публичных правоотношений и на различных этапах планирования и внедрения регулирования ИИ в публичную сферу.

Институциональный блок:

– государственный орган власти, ответственный за правовое регулирование ИИ и его имплементацию в публичную сферу;
 – государственные, частные и общественные институты;
 – профессиональные и научные сообщества, задействованные в имплементации ИИ в публичную сферу.

Модель является реальной по состоянию – она построена на основе реальных субъектов, объектов и процессов правового регулирования ИИ в публичной сфере.

Модель является интегральной с точки зрения:

– инструментального назначения (сочетает гносеологический и социально-преобразующий функционал);
 – представления данных (сочетает дескриптивный и прескриптивный компоненты описания данных);
 – характера представленных в модели компонентов оригинала (представлены структурные блоки и их составляющие, определено их функциональное назначение, рассмотрена сущность).

Модель является динамической, поскольку в ней спроектирован и описан процесс правового регулирования искусственного интеллекта на различные временные этапы.

С учетом изложенного выше данная модель является концептуальной.

Модель учитывает технологические особенности ИИ в контексте готовности (TRL), а также реализует теоретические и практические подходы к регулированию ИИ на краткосрочном, среднесрочном и долгосрочном этапах планирования, в области стандартизации, сертификации, защиты авторских прав и реализации публичных функций в указанной области, путем определения подходов в области регулирования оборота информации, обеспечения процессуального порядка осуществления предиктивного правосудия и присуждения прав и иных вопросов в контексте базовой интеграции ИИ в сферу базовых публичных правоотношений.

Проведён сопоставительный анализ действующего нормативно-правового регулирования в отношении ИИ и авторской модели на предмет соответствия базовым подходам к регулированию ИИ, закрепленным Указами Президента России и Распоряжениями Правительства России. В результате указанного сопоставительного анализа подтверждена устойчивость авторского подхода в рамках реализации положений, заложенных в вышеуказанных документах, определены потенциальные риски при сохранении нормативно-правового регулирования ИИ на текущем уровне.

СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ АВТОРОМ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Монография

1. Атабеков, А. Р. Административно-правовое регулирование отношений в сфере технологий искусственного интеллекта в России и зарубежных странах: монография / А. Р. Атабеков. – Москва: РУДН, 2020. – 145 с.

Публикации в изданиях, индексируемых в базе Scopus

2. Atabekov, A. Legal status of artificial intelligence across countries: legislation on the move / A. Atabekov, O. Yastrebov // *European Research Studies (Q2)*. – 2018. – Vol. 21, № 4. – P. 773–782.

3. Atabekov, A. Artificial Intelligence in Contemporary Societies: Legal Status and Definition, Implementation in Public Sector across Various Countries / A. Atabekov // *Social Sciences (Q1)*. – 2023. – Vol. 12, № 3. – P. 178.

4. Atabekov, A. Public Functions Implementation by Artificial Intelligence: Current Practices and Prospects for Common Measures within Particular Periods across Continents and Regions / A. Atabekov // *Societies (Q2)*. – 2023. – Vol. 13, № 7. – P. 172.

Публикации в изданиях, индексируемых в базе WoS

5. Atabekov, A. R. Legal status of artificial intelligence: thorny path / A. R. Atabekov // *Proceedings of INTCESS 2018 – 5th International Conference on Education and Social Sciences*. – Istanbul, Turkey, 2018. – P. 195–198.

6. Atabekov, A. R. Exploring the legal status of chat bots. / A. R. Atabekov // *Proceedings of INTCESS 2018 – 5th International Conference on Education and Social Sciences*. – Istanbul, Turkey, 2018. – P. 484–488.

7. Atabekov, A. R. Key Challenges to Administrative Regulations in the Field of Robotics and AI Turnover: Russian and International Experience / A. R. Atabekov // *7th International Conference on Education and Social Sciences (INTCESS)*. – Dubai, UAE, 2020. – P. 1111–1117.

8. Atabekov, A. R. AI-Facilitated interaction Between Man and Robotics: Administrative Legal Capacity Issues / A. R. Atabekov // *7th International Conference on Education and Social Sciences (INTCESS)*. – Dubai, UAE, 2020. – P. 1118–1122.

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК РФ

9. Атабеков, А. Р. Обеспечение автономности принятия решения искусственным интеллектом для целей публичных правоотношений / А. Р. Атабеков // *Административное и муниципальное право*. – 2023. – № 1. – С. 29–36.

10. Атабеков, А. Р. Правовой анализ устойчивости конструкций правосубъектности искусственного интеллекта, через призму «животных», «человека» и иных лиц / А. Р. Атабеков // *Административное и муниципальное право*. – 2023. – № 2. – С. 1–10.

11. Атабеков, А. Р. Публично-правовые аспекты технического регулирования искусственного интеллекта в России и мире / А. Р. Атабеков // *ВВ: Административное право и практика администрирования*. – 2023. – № 2. – С. 39–47.
 12. Атабеков, А. Р. Применение искусственного интеллекта в рамках реализации административной функции правоохранительных органов: опыт, перспективы, регламентация / А. Р. Атабеков // *Теория и практика общественного развития*. – 2023. – № 4. – С. 122–127.
 13. Атабеков, А. Р. Применение искусственного интеллекта в военных целях: проблемы теоретизации и правового регулирования / А. Р. Атабеков // *Общество: политика, экономика, право*. – 2023. – № 4. – С. 107–114.
 14. Атабеков, А. Р. Анализ рисков возникновения предубежденности искусственного интеллекта в имплементации публичных правоотношений: опыт зарубежных стран и перспективы административного права России / А. Р. Атабеков // *Общество: политика, экономика, право*. – 2023. – № 5. – С. 155–162.
 15. Атабеков, А. Р. Анализ регулятивных подходов в области обеспечения защиты интеллектуальных прав искусственного интеллекта: опыт зарубежных стран и перспективы публичного права России / А. Р. Атабеков // *Теория и практика общественного развития*. – 2023. – № 5. – С. 111–118.
 16. Атабеков, А. Р. Использование зарубежного опыта применения искусственного интеллекта в надзоре за участниками финансового рынка в России / А. Р. Атабеков // *Административное и муниципальное право*. – 2023. – № 3. – С. 12–22.
 17. Атабеков, А. Р. Области реализации публичных функций искусственным интеллектом в России и мире / А. Р. Атабеков // *Актуальные проблемы российского права*. – 2023. – Т. 18, № 5. – С. 181–185.
 18. Атабеков, А. Р. Создание и применение искусственного интеллекта в публичных целях: сравнительно-правовой анализ / А. Р. Атабеков // *Право и политика*. – 2023. – № 6. – С. 59–68.
 19. Атабеков, А. Р. Анализ подходов определения юридической ответственности за действия искусственного интеллекта в медицинской сфере: опыт США и России / А. Р. Атабеков // *Юридические исследования*. – 2023. – № 6. – С. 1–9.
 20. Атабеков, А. Р. Сравнительно-правовое исследование принципов регулирования искусственного интеллекта на наднациональном и национальных уровнях / А. Р. Атабеков // *Госвласть и местное самоуправление*. – 2023. – № 7.
 21. Атабеков, А. Р. Вопросы адаптации и реализации правосудия искусственным интеллектом в России с учетом зарубежного опыта / А. Р. Атабеков // *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия: Право. – 2023. – № 2 (53). – С. 149–153.
 22. Atabekov, A. R. Modeling approaches to AI integration into public relations in Russia as per comparative research of foreign countries' experience / A. R. Atabekov // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Юридические науки. – 2023. – Т. 27, № 3. – С. 686–699.
 23. Атабеков, А. Р. Вопросы осуществления предикативного права в правоохранительной деятельности: сравнительно-правовое исследование // А. Р. Атабеков // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. – 2023. – № 3 (99). – С. 67–75.
- Иные статьи, опубликованные в научных журналах и изданиях**
24. Atabekov, A. R. Comparative legal study of AI implementation in the judicial sphere for a longterm period / A. R. Atabekov // *Practice Oriented Science: UAE – Russia – India: Proceedings of the International University Scientific Forum (UAE, 31.01.2024)*. – UAE: Инфинити, 2024. – P. 39–46.

Атабеков Атабек Рустамович (Российская Федерация)

Концептуальные подходы и практика правового регулирования искусственного интеллекта в публичной сфере: сравнительно-правовое исследование

В диссертации представлено системное исследование по проблематике регулирования применения искусственного интеллекта (ИИ) в публичной сфере в России и ведущих зарубежных государств; данное исследование формирует теоретические и практические подходы к обеспечению регулирования применения ИИ в рамках стратегического целеполагания, закрепленного нормативно – правовыми документами Президента России и Правительства России, а также с учетом теоретических исследований и практических примеров применения ИИ в зарубежных государствах в публичной сфере.

В рамках исследования установлены основные подходы к определению терминов, связанных с технологией ИИ, проблемами регулирования применения ИИ, также установлены основные области, требующие регламентации; выявлены проблемы обеспечения прозрачности предлагаемых для ИИ рекомендаций и решений при его использовании в публичных правоотношениях; выделен комплекс проблемных вопросов, связанных с внедрением составной системы ИИ (машинного обучения) в систему публичной власти и базовых решений в указанной области; установлены основные философско-этические вопросы, связанные с присутствием ИИ в правовом поле; установлены общие подходы и специфика законодательного определения ИИ, текущие подходы в области регулирования и стратегии развития ИИ на национальном уровне, со стороны ведущих научных учреждений по оценке ОЭСР и отдельных ученых в области изучения ИИ, присущие романо-германской, англо-саксонской, социалистической, религиозной и традиционной системам права; выполнен и системно представлен сравнительно-правовой анализ опыта государств, относящихся к различным правовым системам, в области стандартизации и сертификации продукции ИИ, и сформулированы предложения по совершенствованию регулирования указанной области; выполнен и системно представлен сравнительно-правовой анализ регулирования порядка предоставления авторских прав на результаты интеллектуальной деятельности, связанных с применением технологии ИИ и его потенциального авторства в государствах, относящихся к различным правовым системам, и разработаны меры по совершенствованию регулирования указанной области; выполнен и системно представлен сравнительно-правовой анализ доктринальных и практических подходов к определению правосубъектности ИИ в контексте различных конструкций для нужд публичного права государств, относящихся к различным правовым системам; определены базовые подходы для применения ИИ в контексте реализации предиктивного правосудия; обоснована на фактическом материале необходимость сохранения контроля со стороны судей и исключение вмешательства/влияния на продукты ИИ со стороны ветвей власти и разработчиков ИИ; разработаны критерии осуществления интеграции ИИ в публичную сферу, обоснована необходимость градуированного подхода в отношении обработки информации, необходимость совершенствования законодательства в области обработки информации и распределения ответственности между всеми задействованными сторонами; разработана авторская модель интеграции ИИ в публичную сферу на этапах кратко-, средне- и долгосрочного периодов с учетом проведенного анализа теоретических исследований, законодательной, судебной и правоприменительной практики, применения ИИ в судебном процессе и деятельности органов власти, в сфере технического регулирования; смоделирована ситуация рисков при сохранении нормативно-правового регулирования ИИ на текущем уровне, при отсутствии регулятивного воздействия в отношении ИИ, и определена устойчивость авторской модельной конструкции на предмет соответствия стратегическим документам России в регулировании ИИ.

По результатам проведенного исследования были сформулированы новые идеи, концептуальные подходы к вопросам регламентации публичных отношений с применением ИИ, представлены различные правовые инструменты контроля и определены перспективные области регулирования на кратко-, средне- и долгосрочный периоды связанные с применением ИИ в сфере публичного управления. Данные итоги представляют теоретическое и прикладное

значение, обеспечивая научно-правовую основу для эффективного публично-правового регулирования применения ИИ в сфере публичного управления в Российской Федерации, с учетом проведенного сравнительно-правового исследования опыта регламентации ИИ в зарубежных странах.

Atabekov Atabek Rustamovich (Russian Federation)

Conceptual approaches and practice of legal regulation of artificial intelligence in the public sphere: comparative legal research

The dissertation presents a systematic study on the problems of regulating artificial intelligence (AI) use in the public sphere of Russia and leading foreign states. This study forms theoretical and practical approaches to ensure the regulation of the AI use in line with the strategic goal enshrined in the legal documents of the President of Russia and the Russian government, as well as with account of theoretical research and practical examples of the AI application in foreign states' public sphere. As part of the study, the main approaches to identify the terms related to the technology, the problems of regulating the AI use are set forth, the main areas that require regulation are also established. The problems of ensuring the transparency of the recommendations and decisions proposed for AI are revealed. A set of problematic issues related to the implementation of the AI comprehensive system (machine learning) in the construct of public authorities and basic decisions in this area are outlined and considered. The main philosophical and ethical issues related to the AI presence in the legal field are specified. The study also explores and identifies general approaches and specifics of the AI legislative definitions, current approaches in the field of regulation and development strategy at the national level, in the publications of leading scientific institutions (according to the OECR assessment) and in the works of individual scientists, regarding the mentioned topic as considered by institutions and researchers within the Romano-German, Anglo-Saxon, socialist, religious and traditional Law systems. A comparative legal analysis of the experience of states related to various legal systems has been completed and systematized in the field of standardization and certification of AI products; suggestions are formulated to improve the regulation of this area. A comparative legal analysis of the regulation of copyrights for the results of intellectual activity related to the use of AI technology and its potential authorship in states related to various legal systems has been implemented and systematized; measures have been developed to improve the regulation of this area. The comparative and legal analysis of the doctrinal and practical approaches to determine the legal personality of AI in the context of various constructions for the needs of public law of states belonging to various legal systems has been conducted. The basic approaches to the use of AI in the context of predictive justice implementation are developed. On grounds of the current applied data, the need to maintain control by judges and the exclusion of intervention/influence on the products of AI and developers of AI is justified. The criteria for the integration of AI into the public sphere have been developed, the need for a graded approach to processing information, the need to improve the legislation in the field of information processing and the distribution of responsibility among all the stakeholders is substantiated. The author's model has been developed to integrate AI into the public sphere at the stages of short-, medium-, and long-term periods, taking into account the theoretical research findings, legislative, judicial and law enforcement practice, the application of AI in the trial and the authorities' activities in the field of technical regulation. The situation of risks was simulated while maintaining the AI regulation at the current level, in the absence of regulatory impact in relation to AI; the stability of the author's AI regulation model for compliance with the strategic documents of Russia in the regulation of AI is revealed.

Based on the results of the study, new ideas, conceptual approaches to issues of regulating public relations using AIs are formulated, various legal control tools are introduced and promising areas of regulation for short-, medium and long-term periods related to the use of AI in the field of public administration are specified. These results are of theoretical and applied significance, providing a scientific and legal basis for the effective public law regulation of the AI application in the field of public administration in the Russian Federation, taking into account the comparative legal study of the foreign countries experience regarding the AI regulation.